

Annotation

Удивительная и захватывающая история жизни из криминальных 90-х. Иногда от нее веет прохладой, но в целом – всё весьма увлекательно и рекомендовано к ознакомлению. Повествование моментами скомканное, но это не особо отвлекает читателя. Рассказ от первого лица. «Говорить буду об этом. Семь лет назад отошёл от дел, осел подальше от родной республики, вложил деньги, тихонько живу на прибыли с ренты и схожу с ума. Последние несколько месяцев пью не просыхая. Вспоминаю всю произошедшее. В общем, я рассказываю, вы не обращаете внимания. Это не для вас, это для меня». Тимур Шалямов Криминальная Россия. 90-е

Тимур Шалямов

Криминальная Россия. 90-е

Криминальная Россия. 90-е

Говорить буду об этом. Семь лет назад отошёл от дел, осел подальше от родной республики, вложил деньги, тихонько живу на прибыли с ренты и схожу с ума. Последние несколько месяцев пью не просыхая. Вспоминаю всю хуйню. В общем, я рассказываю, вы не обращаете внимания. Это не для вас, это для меня. * * *

Лето 1992–го. Я заканчиваю Горный техникум. На дворе полный пиздец. Мать работает в ГРП, контора ещё не на грани, но уже вот–вот. В воздухе запах безнаказанности, на улицах нищета. Из колонии № 30 откидывается Бек, старинный мой кореш ещё по школе. На дворе конец августа, я и Мурза, приятель со двора и хороший дружбан, торчим у КПП и ждём, когда выйдет Бек. Радуемся, обнимаем пацана. В Абакане хорошая погода. Идём надираться в кабак возле ЖД вокзала. Бек сильно изменился. Всё такой же мелкий, но теперь ещё более дёрганый. Он старше нас с Мурзой, но выглядит совсем пацаном. Тело в наколках, рубашка в клеточку, зубы уже начали гнить. Пьём пиво, Бек говорит о своём сроке. Бек сел за нанесение тяжких телесных. На самом деле это была попытка грабежа, но Бека взяли ещё в процессе, так что, статья была по–проще. Сидел парень тяжело. Когда его взяли, ему было шестнадцать. Два года на малолетке, потом на тридцатой колонии. Про малолетку он даже не стал особо рассказывать. Показал первую наколку. Роза за колючкой на груди слева. На плечах ножи, черепа, решётки. На спине ветхая колокольня с крестом на крыше. На левом локтевом сгибе путина. Бек сознался, что ставился ханкой, пока сидел. Был подгон с вол его тусовке. Солнце садится, пиво пьётся. Мы про свои дела рассказываем. Мурза по происхождению чечен из Хасавюрта. Родители его привезли в Хакасию ещё совсем

пацаном. Батя геолого–разведчик по образованию. Мать – парикмахерша. Нормально устроились на новом месте. Без шика, но нормально. У мурзы младшая сестра, Ирина. Учится в школе. А сам он закончил Текстильный. Специальность – модельер. Серьёзно. У меня отец остался в Красноярске, а мать получила вышку медицинскую и уехала от него в Черногорск работать. А отцу наплевать было. Он водилой работал на скорой. Не знал даже, что она беременной уехала. Вот такая у нас была троица. Побухали, сели на последний автобус до Черногорска, дошли до родного двора, распрощались. Бек у матери отсел. Та работала на пищекомбинате. Я перебивался подработками, то грузчиком, то водилой, то цемент месил на стройке. В городе появились первые люди с деньгами, начал разрастаться коттеджный посёлок, ссанный Кедровник. Работа была. А вот Мурза влетел. Искож шёл к тому, чтобы наебнуться со дня на день. Работы у него не было. Я его подхватил к себе на стройку частного дома для одного мутного мужика, который имел несколько торговых точек на новом рынке. В октябре мы снова встретились с Беком. Бек предложил нам заработать по–чёрному. Вынеси со склада пищика несколько ящиков с тортами. Мы особо не рефлексировали, я попросил на день газик у соседа, "с блядьми погонять". Ночью подъехали к складу, мать Бека нам открыла и пошла обратно в сторожку ебаться с охранником. Мы забили газик под завязку тортами и дали дёру. А на следующее утро мотались по Абакану и Минусинску, распродавая всё. Заработали не так много, но быстро. И вошли во вкус. Я прям дёснами почуял, что дальше цемент месить – тухляк. Короче, через неделю мы уже начали пробивать, как вынести склад на монтажках. Мужик, который владел складом, одну половину сдавал строителям, вторую половину продуктового магазину. И ещё был закуток, в котором он сам ночевал. Между двумя половинами склада был небольшой заборчик. Кусок магазина примыкал к одноэтажному зданию. Мы с Беком залезли по дереву на крышу этого здания, пока Мурза ждал на батиней тачке со стороны ворот. Спрыгиваем, Бек идёт напрямиком к закутку, где хозяин спит. Пинком открывает дверь, достаёт из кармана свинцовую болванку и начинает хуярить мужика ею по голове. Я охуел. За несколько секунд Бек раскроил ему череп в кашу. Потом пояснил, что из–за этого мужика он в своё время и сел. Охуевать дальше некогда было. Похватали упаковки со сникерсами–баунти, с жвачками, несколько ящиков "Кутузова" и "Дагестанского". За этим и шли, вроде. Открыли ворота, загрузили Мурзу, погнали на гараж к Беку. Разгрузились, выхватили пару бутылок "Кутузова" и пошли по домам. Попутно нажрались. Мурзе мы с беком ничего про мужика не рассказали. Хотя и скрывать особо смысла не было. Уже через пару дней вся округа говорила о покойнике. Но общественная молва решила, что его уколошил владелец строительной фирмы. Мол, хотел у него склад отжать. Нас никто не искал особо. Коньяк мы за неделю распродали, пару бутылок вылакали сами. А потом была зима. В декабре меня решил прокидать на бабки тот мужик, у которого я на стройке коттеджа летом вкалывал. Сам он был хакасом. И другим хакасам, которые работали на стройке, он заплатил. А остальным не заплатил. Просто сказал, нет денег. Идите в милицию, доказывайте, что я вообще вас знаю. Короче, я предложил Беку и Мурзе обнести его, когда повезёт выручу с рынка. Пасли до двадцатых чисел. Пробивали через торгашей, с которых он грелся. Когда он в очередной раз повёз кассу домой, мы стопанули его посреди Кедровника, отхуярили и забрали деньги. А он начал говорить, мол я Шамана знаю, вам пиздец теперь. Ну мы решили, что надо это дело как–то замять. Засунули мужика в багажник к Мурзе и погнали на заброшенный Сахарный завод. Выгрузили. Снова отхуярили. Видим, что хакас начал сдавать. Запел нам, чтобы не убивали, что он нам свои точки на новом рынке отдаст. Ну, Бек справедливо решил, что, если мы его отпустим сейчас, он свои обещания не выполнит. Надо было его решать. Мурза достал нож сказал, что мы все

должны его по разу ударить, чтобы никто из нас потом ментам не рассказал. Трупак мы прикопали возле городской свалки. Изъятую кассу и разделили на троих. * * *

С января 93-го мы начали собирать с тех торгашей, которых до этого потрошил покойничек. Зима хлебная получилась. Матери я купил шубу. Мурза москвич себе купил. К концу марта объявился пресловутый Шаман. Идём мы с Бекон по рынку, собираем с торгового ряда, где шмотьём торговали. А одна торговка нам деньги не даёт и говорит, мол нуха вы парни не работаете как надо. К ней тут на днях заходили хакасы, дань уже собрали. И хотят вдеть нас. Мы присели на палево. Бек сперва хотел залупиться и въебать тётке пару раз в зубы, но тут же объявились хакасы. Стволы к бошкам, нас тащат в машину. Повезли на Майский посёлок. Так одноэтажный но здоровый частный дом. Зводят нас во двор. Собаки лают. Выходит из дома пожилой мужик. Жирный, усатый. Говорит, что он Шаман. Вы, говорит, ребята, наебнули Потыльчакова. Вас надо на месте решить. Но вот вам акое предложение. Половину с рынка раз в месяц будете мне возить, и со всех своих мутон на стороне так же половину мне. И по первому моему звонку в любую точку мира, готовые раздавать и получать пизды. Мы согласились, хули. Мурзу ситуация сильнее всего нагрузила. Горячий горец, гордый, что с парня взять. Но мы с Бекон объяснили ему, что либо так, либо нам всем пиздец. Короче, с рынка мы теперь почти ничего не видели. Хоть Шаман и сказал, что хочет видеть половину, но его выручка не волновала. Приходилось отдавать либо почти всё, либо потрошить торгашей до косточек. Одного мужика Бек засремал до такого, что тот продал место и съехал из города. Мы решили больше такого не делать. Доход с рынка шёл мимо нас. Дньги мы делали мелочёвкой на стороне. Пара гоп-стопов, пара угонов, взяли под крылышко несколько магазинчиков. Но шаман прочухал, выставил нас на штраф, и с этих магазинчиков мы так же больше ничего не видели. Так прошёл весь 94-й. Мы много пили. Раза четыре Шаман таскал нас на разборки с Абаканскими.

Осенью мы мотались в Усь-Абакан, чтобы выставить на бабки мужика, который барыжил краденым. История получилась паскудная. Мужик – обычный урка. Зовут его Олегом. Живёт с бабой, своим мелким сыном и её дочкой лет пятнадцати. У нарколога скупает краденую технику и потихоньку перепродаёт её. С порога говорим, что по чём. Но Олег оказался то ли принципиальным, то ли наблатыканным. Послал нас в пизду, сказал, хоть режьте, хоть пиздите, а денег вы с меня не увидите. У меня, мол, с зоны туберкулёз, мне терять нечего. Короче, мы его давай хуярить. Баба его в крик, мелкий убежал на улицу и дал дёру в сторону реки. Бек говорит, что раз мужику похую всё, он сейчас его дочку будет ебать. Олег этот заржал, говорит, что ему плевать. Типа, он сам падчерицу уже не первый год поёбывает. Ей, мол, только за радость. Тогда Бек нагул этого урку раком, пару раз уебал его по башке, стянул с него портки и сказал, что сейчас его самого выебет, если деньги не нарисуются. Деньги нарисовались. Мужику мы сказали, что теперь будем заезжать раз в две недели. И тут с кухни вышла Алинка, его падчерица. Красивая девчонка. В мать чем-то. И я сразу понял, что Бек, глядя на неё, поплыл. При чём не просто семя в голову ебануло. Влюбился по ходу. Виду он тогда особо не подал, но мужику сказал, что, если тот падчерицу ещё пальцем тронет, Бек его заржет. С тех пор, когда мы катались в Усть-Абакан за баблом, Бек всё время проводил с Алиной. Таскал ей сладости всякие, кассеты с музыкой, центр музыкальный. Со временем начал её к себе возить. Мать его как раз к бывшему мужу (его отцу) снова переселилась, и он девчонку к себе перевёз. В меньшей степени скотом он не стал. Блядей мы ебали всё так же. Но при всём при том о своей "Алиночке" бек всегда

говорил с какой-то несвойственной ему нежностью. Тем временем мы с Мурзой решили нагреться на проститутках с Советской. И идея эта была хуёвая. Городок маленький, все всех знают через кого-то. Так что, просто так черногорские девчонки проституцией не занимались. Могли давать за подарке хоть собакам некоторые, но вставить на панель считалось западлом. Салонов в городе не было тогда, так что, классической проституцией промышляли в основном детдомовские кобылки. А в те годы продажную пизду любого возраста контролировали строго мусора. У девок даже мамки не было, собрал с них один опер, дядя Серёжа. И засылал наверх тоже он. В общем, мы пообщались с девочками и поняли, что из дяди Серёжи мамка никакая. Клиенты их и пиздили по чём зря, на гонорары нагревали. А погону всё было по хую, знай, соси да засылай. Мы пошли к этому мужику с предложением. Давай типа мы будем тебе возить бабло, заботиться о девочках, чтобы клиенты товар не портили, а ты и чище будешь, и геморроя меньше наживёшь. Согласился. Только под новый год мы поняли, в какой блудняк ввязались. Сперва мы, как белые бизнесмены, задружились с городскими бомбилами. Сразу попёрло больше клиентов. Потом оказалось, что два таксиста чаще пользуются девочками, чем катают их. Сломали мудакам ноги, остальные, вроде, попритихли. Потом выяснилось, что некоторые из проституток берут доплату за секс без резины. И по городу уже пополз гепатит. Детдомовские, хули с них взять? Задружились с дерматовенерологом. Загнали ему наших кобылок на обследование. Выяснилось, что у троих СПИД, у двух гепатит и одна больна кровяным сифилисом. Это когда шанкра нет.

К тому же, каждая вторая ширялась. Больных турнули из города, сифилисную положили на лечение, больно много денег делала, грешно было выгонять. Остальным надавали по щам, чтобы не забывали про резину. Мурза их даже в Текстильный гонял на лекцию о венерических болезнях. Пиздец, это была комедия. Потом мы начали выяснять, где девчонки доставали ширево. Вышли на барыгу из табара с Аэродромного. Решили подключить Бека. Выяснилось, что Бек всё это время брал у барыги героин для себя. Я прихуел и ввалил дружбану пизды. Тот отбрехался, мол по вене он с зоны не ставится только нюхает. Обещал завязать. Барыгу из табора через ару дней нашли мёртвым. Кто-то раскроил ему голову топором. Бек сказал, что это сделал он, потому что доверие друзей ему важно. Мурза пустил по городу слух, что любой барыга, продающий нашим кобылкам, может оказаться на месте этого цыгана. В мае 95-го мы с дядей Серёжей, его ментовскими друзьями и Мурзой кутили в Сауне на юге города.

Бляди, бухло, трава, один из мусоров привёз из Москвы бутылку текилы. Голубая Ольмека. Понт для наших ебеней. Я был собой доволен, дел шли хорошо, Шаман начал отпускать поводок, видя, что выхлоп от нас с пацанами большой, и наебывать мы его не пытаемся. По разборкам нас больше не гоняли. Деньги шли не колоссальные, но вкусные. А, учитывая, какой пиздец творился в регионе с зарплатами, жил я шоколадно на фоне остальных. И тут этот Серёжа начал маячить мне про своих родственников. Братья Самрины, Ту`ра и Воротник. Ребята брали деньги с перегонов, которые возили тачки из Владивостока. За проезд на юг по М-54 каждый перегон платил этим двоим. Парни, как оказалось, засылали Шаману. И горели желанием познакомиться со мной, Беком и Мурзой. * * *

И так, братья Самрины. Мутные ребята. Старшему тридцать, младший – мой ровесник. Живут с родителями и ещё тремя младшими братьями в в большом частном доме на два этажа. Старший, который Тура, женат. Ждёт через полгода дитё. Отец их юрист на пенсии. В своё время хитро крутанулся с ваучерами работников СаАЗ на пользу

Дерипаске. Мать каким-то образом подвязана с хакасским филиалом "Хапёр-инвест". Короче, семья богатая, но не совсем понятно с чего. Встречались мы с этими ребятами в саду их дома. Беседка, грузинское вино, инжир, все дела. Говорили они в основном. Сказали, что Шаман в последнее время стал жаден. С М-54 они почти весь выхлоп с начала года заслали ему на карман, а самим скоро нечего будет есть. Говорят, мол, у вас пацаны, репутация. Знакомства некоторые в органах. Девочки о вас хорошо отзываются, что не жадные, не отмороженные. На новом рынке торгаши довольны, что их хакасы до нитки перестали обирать. Короче, вы работаете и не мешаете работать другим. А это, говорят, сейчас самое главное. Ну мы поняли, к чему разговор идёт. Говорим прямо. Пацаны, мы бы какими хорошими не были, но у Шамана стволы и много людей, а у нас только мы сами. Ну нам Тура и намекает, что вся организация Шамана только на нём самом и держится. Не станет усатого, остальные перегрызутся. Выше плинтуса ни одному из своих людей он подняться не даёт, так что и авторитетов особых среди узкоглазых нет. Стоит Шаману исчезнуть, менты махом начнут давить его шалупонь. А оружие, говорят, не такая большая проблема. Уходили мы со встречи в смешанных чувствах. Я сразу признаюсь, что зассал. Стрелять мне никогда не доводилось, в армии я не служил, а такое большое дело проворачивать просто боялся. Никогда не чувствовал себя достаточно большим человеком, чтобы вот так просто менять расклады в целом городе, хоть и маленьком. Мурзе эти два брата тоже не понравились. Он сказал, что эти папины детки решили чужими руками жар загрести. Где гарантии, что в один прекрасный день мы им так же поперёк горла не встанем? А вот Бек идей прямо загорелся. И заявил, что он пойдёт на мокруху по любому. А вы, пацаны, говорит, хотите – присоединяйтесь. Не хотите, – ваше право, не заставляю. Но имейте в виду, я дурак, я всё и один могу сделать. Только потом в друзья ко мне не набивайтесь. Через две недели мы сидели на хате у Бека и ждали Самриных, которые должны были привезти стволы. Пришёл младший, Воротник. Принёс спортивную сумку, в ней два ПП-91-01 и четыре магазина к ним, два заряженных макара. Спросил, что мы с этим будем дальше делать? Ну мы ответили, что это уже не его проблема, а мы уж как-нибудь разберёмся. Поблагодарили его, распрощались. Мурза сразу предложил схоронить стволы у Бека в гараже до нужного дня. В общем, взять Шамана мы решили, когда он в следующий раз должен был поехать рыбачить в район Мохово. По очереди тихонько пасли его дом, держали уши открытыми. Когда тот в конце июня по утру сел с одним из своих ребят в машину, мы тут же упали ему на хвост. На улице половина четвёртого утра, туман, сыро. Держались на расстоянии. Я за рулём, Бек и мурза с кедрами по правой стороне. Когда проехали Пригорск и свернули в сторону Енисея, поравнялись с их машиной. Пацаны начали пальбу, тут же ранили водителя. Тот по тормозам, мы тоже и наперерез. Бек с Мурзой выскакивают из машины и бегом к волге. На ходу дошмаляли магазины. Я тоже выскакиваю, подбегаю к машине Шамана. Вижу, что хакасам уже пришёл пиздец. У водилы грудь и шея прострелены. Нижняя челюсть разворочена в щепки. Шаман пытался выскочить из машины, но не успел. Ему Бек прострелил скулу навывлет. Короче месиво. Тела мы сложили на заднее сидение, Мурза сел за руль Волги и поехал следом за нами к северному обрыву. Там место хорошее было, с севера большая помойка, с юга гора. Не видно ничего. Да и Енисей в том месте глубокий и холодный, там отродясь никто не плавал и не рыбачил. Подогнали волгу к обрыву. Мурза сказал, что стволы тоже надо утопить. Бек залупился сперва, мол штука хорошая, смыслы от халявы избавляться. Но Мурза справедливо рассудил, что мы не знаем, откуда эти братья достали оружие, и сколько ещё жмуров на нём висит. За свои грехи сидеть, – это одно, а вот чужих покойников на себя брать – дурной тон. В общем, слили мы из волги топливо, все стволы и остатки боеприпасов протёрли бензином,

протёрли ручки волги, залили салон на всякий пожарный и подожгли вместе с покойничками. Подождали, когда всё прокоптится хорошенько, столкнули машину в реку, посидели на дорожку и поехали домой. После того дня мы на пару месяцев заховались в Кызыле и не высывали носа. * * *

Пока мы отвисали в Туве, я сделал для себя много новых открытий. Во–первых, тувинки совершенно не умеют сосать и не желают этому учиться. Во–вторых, они жутко кривоноги и основной массой засранки. В–третьих, тувинцы совершенно не умеют пить и не желают этому учиться. Каникулы, в общем, вышли у нас весёлые. С девочек собирала деньги та сифилитичка, про которую я говорил раньше. Девчонку звали Лера, и оказалась она на удивление толковой. Пока мы сидели подальше от города, она исправно возила деньги менту Серёже, держала остальных кобылок в узде и раз в неделю отзванивалась мне за всю хуйню. Торгашам с рынка и пары наших магазинчиков мы решили устроить отпуск от поборов. Пускай наберутся жирка. Дяде Серёже мы позвонили ближе к августу, и он рассказал нам, что, как только Шаман "пропал без вести", его шестёрки как с ума посходили. Начали резать друг друга, буяннить. Короче, к концу лета сидели все, кого не успели завалить. Ну а мы синячили, дули тувинскую шмаль, драли тувинских шмар, наслаждались природой Тувы и пили отвар из мухоморов. В первых числах сентября приехали Самрины и привезли сумку с наличкой. Сказали, что это – наша доля с их муток по М–54. Шаман, мол, брал сильно больше, и они очень рады, что теперь могут работать под нашим крылышком. Мы были обрадованы и приятно удивлены суммой. Вернувшись в город, мы первым делом прошлись по новому рынку, рассказали торгашам, что отпуск закончился, но есть и хорошие новости. Брать мы стали чуть поменьше. Точек на рынке прибавилось. Один из мужиков, который держал большую чебуречную, намекнул нам, что не плохо было бы скататься и на Саянский рынок, который раньше доили люди Шамана. Да и маленькая барахолочка в районе Юбилейной осталась тогда без хозяев. Чтобы не особо загоняться, мы сразу пошли по администрациям рынка и предложили свои условия: к ценам на аренду торгового места они добавляют определённую сумму, которую раньше мы сами собирали. Мы свою дань с торгашей снимаем. Администраторы раз в месяц засылают нам наше бабло минус десять процентов за их услуги по сбору. Мы со своей стороны делаем так, чтобы торгашей не потрошили больше ни хакасы, ни менты. Из тех денег, что начали капать регулярно, пятую часть мы через дядю Серёжу начали засылать заинтересованным лицам. ППС–никам сразу надавали по рукам, и на рынки они перестали соваться. Всё начинало работать, как отлаженный механизм. Всякой мелочевкой мы не занимались больше. Над головой были только мусора, которые кормились куда меньшими суммами, чем Шаман в своё время. * * *

А в феврале 96–го на нас вышли абаканские. Здесь я обойдусь без имён и без кличек, так как до сих пор немного ссу. Скажу только, что главным у ребят числился человек, вхожий в окружение младшего Лебеда. А с нами работал уже человек этого человека.

Вояка на пенсии. Называть его для ясности буду Майором. Майор позвонил мне и договорился о встрече на выходных. К тому времени я купил себе отдельную квартиру в сталинке на Советской, поближе к девочкам. Договорились увидеться в парке напротив дома. За зданием кинотеатра. Я вызвонил Мурзу и Бека, описал ситуацию. Бек настоял

на том, что надо быть готовыми к худшему. Мы поехали к Самриным с просьбой свести нас с их поставщиком стволов. Тура сразу скис, но мы надавили на гнилое, мол, если порешат нас, условия для бизнеса братьев могут нехило так ухудшиться. В итоге Тура раскололся, что покупал у знакомого омовца из Красноярска. Мы взяли братьев в охапку, взяли с собой наличку и погнали на север. В Красноярске Тура созвонился с этим мужиком, мы договорились встретиться вечером следующего дня в гаражном массиве между Павлова и железной дорогой. Мужиков было двое. Один – здоровый подтянутый бык с выбритой башкой, что на морозе смотрелось жутковато. Второго больше похож на школьного учителя. Невысокого роста, сухонький, возрастом за сорок, в аккуратных очках и кожаной кепке на меху. Нас запустили в один из гаражей, и мужичок в очках сразу предупредил, что за такой короткий срок достать удалось только туфту. Перед нами поставили деревянный ящик, в котором лежали два макара, сильно потёртая ксюха и сайга ещё первой модели, которые делались под трёхдюймовый американский патрон. Бритоголовый показал на сайгу и сказал, что она горячая. Из неё уже завалили двух мусоров, так что, если кого-то из нас с ней повяжут, нам сразу пиздец. Макары были чистенькими, с завода их увели ещё до того, как отстреляли на картотеку. Потому стоили они в четыре раза выше среднерыночной цены. Ксюху через раз клинило от старости, и числилась она по новосибирскому РОВД. Мы взяли макары, ксюху и по одному магазину на каждый ствол. Денег хватило почти впритык. Вернулись в город мы как раз за три часа до встречи. Закинули Туру и Воротника домой, зашли ко мне, согрелись чаем с коньяком, малёха раскурились зимаком для храбрости. Разобрали оружие, пошли на встречу. Что сильнее всего запомнилось, так это бешеное желание срать. Вот серьёзно, голова чистая, настроение хорошее, тяжесть пистолета в кармане пальто приятно так успокаивает. На улице дубак, солнце село. А я хочу срать. Вороны каркают с крыши погорелого кинотеатра. Людей вокруг нет, позёмка. Один фонарь горит на всю аллею, лавочки поломанные. И пиздец как хочется срать. И от этой мысли так смешно стало. Что вот сейчас будет решаться судьба нас троих, а я только и думаю, как бы не обосраться. Ещё и Бек с автоматом под курткой. Свитер этот его уёбищный зелёный. Бек смотрит на меня, и я понимаю, что он тоже понимает, как это всё тупо. И мы вдвоём закатываемся от ржача. И Мурза такой в своей шапочке "Чикаго булз" тоже ржёт. Со стороны парка показалась машина, а мы ржём, как в мультике. Еле успокоились тогда. А ведь та истерика нам могла жизнью стоить. * * *

Здесь нужно сразу оговориться, что Майор, по ходу, был связан с тогдашней РНЕ, и ребяташки у него были соответствующие. Трое пацанов в камуфляже, в руках калаша, на груди кевлар. Сам Майор оказался мускулистым мужиком под полтинник. Казённое пальтишко, шапка-формовка, рожа здоровая, гладкая. Голос рывкающий, слова выговаривает чётко. Видать, был в своё время замполитом. Короче, он не стал кота за хуй тянуть и сразу выложил нам расклады. Раньше Шаман с абаканскими был на ножах, но его теперь нет, и пора начинать работать на общую кассу. Вы, говорит, хоть ребята и толковые, но выше уровня обычной гопоты сами по себе не прыгнете. Тут завязываются серьёзные мутки. Люди старшей птицы садятся на угольные разрезы, москвичи готовы вкладываться в мойку золота, на севере Абакана готовится грандиозная стройка. Там вырастет целый район. Цены на недвигу вот-вот взлетят под небеса. А ваши рынки, мол, так, фуфло на постном масле. Сегодня они есть, завтра уйдёт нынешний мер, и их не будет. Город готовят под адвокатику из команды своих. Федералы скоро выделяют деньги на ремонт дороги Черногорск – Абакан, и деньги эти

будут осваивать строго нужные люди. И вот при всех этих раскладах вы, соколики, будете тише воды ниже травы. Перед тем, как сунуться в какую-то тему, вы будете кататься ко мне в гости и спрашивать на это разрешение. Перед тем, как переходить кому-то дорогу, вы будете звонить мне и спрашивать, с кем этот человек дружит. И раз в месяц будете возить мне подарки за то, что я о вас пекусь, как отец родной. А местным мусорам вы, мол, засылать больше не будете. Дядя Серёжа ваш с весны уйдёт в отставку, потому как на хуй он никому не сдался здесь со своими амбициями. А тех, кто придёт ему на смену, Майор будет прикармливать сам из того, что мы ему привезём в подарок. Ну, а коли нас это не устраивает, нас положат на месте, а семьи наши погибнут при странных обстоятельствах. Кто в квартире сгорит заживо, кто водки палёной напьётся, а кого и наркоманы ограбят с летальными последствиями. Короче, от таких раскладов стало нам на душе погано. Только-только развернулись, задышали свободно, как тут же появились люди больше и голоднее нас. И поставили нас раком. Мы согласились без особых выебонов. Пожали друг другу руки, и Майор со своими ребятами укатил. А мы вернулись ко мне и до следующего утра грустно напивались. Весной 96-го в Хакасию пошли валом гробы из Чечни. Работников Степного разреза в очередной раз наебнули на зарплату. Мужики не видели денег уже полгода. ГРП окончательно расформировали, и моя мать осталась без работы. Контора осталась ей должна, но спрашивать было уже не с кого. Короче, год начинался хуёво. После той встречи с Майором работать не хотелось вообще. Тут ещё на политическом горизонте Черногорска начал маячить некий Пустошилов. Юрист по образованию. Мы с пацанами сделали вывод, что он и есть тот самый адвокатик, которому грел место нынешний мер. И точно, только он всплыл, как пошла движуха на закрытие продуктового рынка на Юбилейной. Чтобы люди продолжали работать, часть мы отселили на окраину Саянского рынка, часть в район старого рынка. В доходе почти не потеряли, но ситуация вышла неприятная. Позвонили Майору, спросили, что за хуйня. Он лишь посмеялся и сказал, чтобы мы привыкали. Денег в городе стало мало, девочками почти никто не интересовался. Часть мы поставили на территорию к абаканским за процент, но те брать всех отказались. Остальные пытались работать вдоль трассы, но, учитывая пиздец с бензином, дальнобой по трассе практически не ездили. По той же причине исыяк выхлоп с предприятия Самриных. Братья ходили по городу смурные и ломали голову над тем, как вернуть ситуацию в норму. А в июле с зоны откинулся Фара и решил осесть в Черногорске. Фара к Черногоску отношения никакого не имел. Сам он был из минусинских. Но почему-то решил, что Бек, которого он на зоне слегка приподнял, остался должен. Короче, Фара надумал сесть на всё готовое, оттяпав себе точки Бека. Началось всё с того, что нам позвонил тогдашний администратор Саянского и в панике начал вопить в трубку про какого-то отморозка, который его чуть не убил. Приехали на место, посмотрели, прихуели. Кабинет разнесён в щепки, администратору потоптались по голове, налички нет. Начали спрашивать мужика чё по чём. Тот говорит, что пришёл утром на работу, а дверь кабинета открыта. Внутри в столе копается какой-то мужик на вид рахитичный, с пузом, рожа небритая, татарская, сине-зелёный спортивный костюмчик. Администратор на него справедливо залупился. Мужичок тут же озверел, набросился на нашего человека и начал его хуярить. Чуть башку ногами не раскроил. Пиздил и орал "Где Бек?! Где Бек?!". Короче, мужика Мурза повёз на Девятый посёлок к знакомому хирургу, а я начал выпытывать у Бека, что у него за знакомые такие. Бек сразу раскололся, что Фара был из блатных авторитетов. Короноваться вором из-за своего бешеного норова он до сих пор не смог, но братва Фару уважала. В Минусинске семья Фары ещё со времён позднего союза держала рынок ширева и торговала всем, от винта до ханки. Поставки они налаживали в некоторые

ИТУ, в военные части, даже контактировали с пограничниками. С такими связями Фара на зоне не хило так взял всех за яйца. Через него ходила контрабанда, через него с воли гнали коней, какие-то щекотливые вопросы с администрацией решал тоже он. В общем, когда Бек захватил с малолетки в новый дом, Фара взял его в оборот. Мотая срок, Бек хвостом ходил за авторитетом и всему у него учился. Когда пришёл срок на освобождение, администрация Беку предложила такие условия: а не хочет ли он или его матушка купить учреждению жигули? А то автопарк совсем гнилой. Если не хочет, ему сейчас организуют нападение на работника режима, отхуярят по пяткам и накинута ещё пару годков. Бек тогда совсем сник, а Фара предложил ему решить все проблемы в обмен на грёв до конца его срока. Бек согласился, но, с тех пор, как вышел, так ни разу Фаре и не засылал. Короче, косяк Бека надо было разруливать как можно быстрее. Иногда мне думалось, что они смеются надо мною, утверждая, что Англия – за морем–океаном, а Бонапарт родом из калужских дворян. Когда я рассказывал им о том, что сам видел, они плохо верили мне, но все любили страшные сказки, запутанные истории; даже пожилые люди явно предпочитали выдумку – правде; я хорошо видел, что чем более невероятны события, чем больше в рассказе фантазии, тем внимательнее слушают меня люди. Вообще действительность не занимала их, и все мечтательно заглядывали в будущее, не желая видеть бедность и уродство настоящего. Это меня тем более удивляло, что я уже довольно резко чувствовал противоречия между жизнью и книгой; вот предо мною живые люди, и в книгах нет таких: нет Смурого, кочегара Якова, бегуна Александра Васильева, Жихарева, прачки Натальи... В сундуке Давидова оказались потрепанные рассказы Голицинского, «Иван Выжигин» Булгарина, томик барона Брамбеуса; я прочитал всё это вслух, всем понравилось, а Ларионыч сказал: – Чтение отменяет ссоры и шум – это хорошо! Я стал усердно искать книг, находил их и почти каждый вечер читал. Это были хорошие вечера; в мастерской тихо, как ночью, над столами висят стеклянные шары – белые, холодные звезды, их лучи освещают лохматые и лысые головы, припавшие к столам; я вижу спокойные, задумчивые лица, иногда раздаётся возглас похвалы автору книги или герою. Люди внимательны и кротки не похоже на себя; я очень люблю их в эти часы, и они тоже относятся ко мне хорошо; я чувствовал себя на месте. В общем, мы прозвонились по всем своим точкам и предупредили торгашей, что, если к ним Фара заявится, пусть не залупаются и дают ему адрес Бека. Захочет денег, – пусть дают денег. Захочет продавщице присунуть, – пусть присовывает. Человек опасный, так что без хуйни. Неудобства возместим. Сами мы поехали домой к Беку, оттуда вызвонили Мурзу, объяснили ситуацию. Достали коньяк, шамаль, сидим ровно. Ближе к полуночи стук в двери. Иду открывать. На пороге этот уркаган. Всё как по описанию. Здорово, говорю, Фара. Заходи, рассказывай, чего ты так грубо с нашими людьми обращаешься. Ну, он в зал проходит и Беку с порога "Ну здравствуй, Оленька." И ржёт. А Бек аж позеленел и сжался весь. Ну а фара закатывается и нам с Мурзой говорит, мол, вы, пацаны, в курсе, что пидорком проткнутым дела делаете? Я прихуел слегка от таких раскладов. Говорю, ты поосторожнее с такими заявлениями, пассажир. Мы в курсах, что Бек тебе за услугу торчит не первый год, но ты кто такой, чтобы должника под пидораса подписывать? Фара пуще прежнего развеселился. Эта Олька, говорит, на зоне мне ханюшку минеты отстрачивала и нос не воротила. Да только жопку не давала. А как срок у Оленьки к концу пошёл, я и договорился с кумом, чтобы помог. Этому вашему Беку только про два годка напели, как он чуть не взвыл от тоски. Я ему и предложил услугу за очко. Так что, проткнутый ваш дружок, а значит и за вами никакого веса быть не может, раз с ним водитесь. Братве я об этом пока не говорил, и не скажу. Только дела сливайте под меня. Я как карбида наглотался. Мурза сплюнул и на кухню ушёл. А Бек смотрит на этого

Фару, и аж трясётся. Хуй знает, то—ли смеяться в пору, то—ли волком выть. И пока я думал, Бек кинулся на Фару, повалил его на пол и принялся душить. А тот, хоть и рахитик на вид, вцепился дружбану моему в глотку ещё сильнее. Я метнулся к ним, начал этого Фару в лобешник хуярить. Прибежал Мурза с кухни. Видит, что Бек уже синееет. Хватает с дивана подушку, прижимает её Фаре к голове, достаёт макар и через эту подушку ебашит два выстрела в упор. Короче, говорю, хуй знает, что здесь сейчас произошло, но этот Фара по любому пиздобол. И смотрю на Мурзу. Внимательно так.

Тот понял, согласился. Говорит, базара нет. Мало того, что отморозок, так ещё и пиздобол. А Бек ничего не говорит. И на нас не смотрит. Его трясёт, что пиздец. Мы, короче, собрали гильзы, замотали Фару в ковёр и понесли грузить Мурзе в машину. Туда же подушку закинули. Мурза пошёл за Беком, я встрял у подъезда покурить. Вижу, идёт бекова Алинка. Чё как, спрашиваю. Говорит, на карьер ходила. Купалась. А что у Бека за дела сегодня? Чё он смурной такой? Отвечаю, что по работе запара. Дал ей денег, сказал, поживи пока у матери пару дней. Ну, или в Абакане перекантуйся.

Девчонка умница просто оказалась, спросила только, с ним нормально всё будет? Говорю, нормально. Пиздуй давай. Ехали мы молча. По дороге забрали из гаража лопату и известь. Добрались до Сахарного, выгрузили ковёр со жмуром. Мурза пошёл за здание одного из цехов. Там земля мягкая была. Начал копать яму. Я раскатал ковёр, обшмонал Фару, забрал бабки, которые он за день успел натрясти, стянул цепку рыжую.

Тут и Бек выполз из машины. Дай, говорит, нож. А у самого глаза потухшие, челюсть дрожит. Отвечаю, ты, мол, не переживай, мы закончили уже почти, нафига тебе нож?

Бек орать начал. Нож, блядь, дай ему, и всё тут. Ну чёрт с тобой, говорю. Дал свой охотничий. Он говорит, покурить сходи. Отошёл подальше от машины, закурил, палю дорогу в обе стороны. Три ночи, самая темень. Ни души вокруг. Слышу сзади чавканье.

Оборачиваюсь. Вижу, как Бек молча ебашит ножом труп Фари. Методично, удар за ударом. Сильнее и сильнее. Думаю, пускай оторвётся напоследок. Не стал ничего говорить. Через час Мурза яму докопал. А на жмуре уже к тому времени ни одного целого места не осталось. Бек его буквально в решето искромсал. Кинули труп в яму, засыпали известью гашёной. Подождали ещё с полчаса, закидали землёй и камнями. Пока ехали домой, наблюдал за Беком. Пацан выглядел уставшим, но спокойным. Даже довольным немного. Про ту историю мы больше ни разу не вспоминали. * * *

К концу лета 96—го по деньгам у нас пошла полная жопа. Прибылей едва хватало на подарки в Абакан. Я даже с парламента перешёл на опал, настолько голохуевка была в бюджете. Начались перебои с доставкой жратвы в регион, на рынках процветал бартер. Парную свинину деревенские меняли на шмотьё, молоко обменивалось на водку, даже кедровые шишки были в ходу. Питаться все с подсобных хозяйств да такого вот бартера. Мама моя после того, как ГРП приказал долго жить, консультировала больных у себя на дому, а те ей таскали кто варенье, кто стиральный порошок. Романтичные девяностые, ага? Я ебал такую романтику, когда люди с образованием и опытом вынуждены вот так выкручиваться. Ладно мы, нас не так жалко. Короче, мы с Мурзой пробили тему, где можно дёшево выхватить домашние вязальные машинки. У Мурзы специальность модельера, у меня дохуя свободных проституток, которые никому не нужны. Мы подключили Бека, скинулись остатками бабла, затарились оборудованием. Договорились в долг за помещение под цех на Девятом посёлке. Согнали туда самых толковых блядей. Как Мурза учил их вязать, — это была музыка. Но он пацан толковый, талантливый. Сам наделал дохуя схем — выкроек. Машинки были с

каретками. После вывязки детали нужно было дополнительно сшивать. Если кто застал фабричные вязаные носки, которые реально были правый и левый, то вы в теме. И хуйня завертелась. Пряжу мы доставали у абаканских оптовиков. В цеху стоял треск кареток сутки напролёт. Девахи работали посменно, кто на вязке, кто на панели. Мы клепали свитеера, юбки, детские кофты, джемперы, даже носки и термобельё. А шмот развозили по торгашам, или сами меняли на рынках. Денег выходило не то, чтобы много, но голодать мы больше не голодали. Подарки Майору стали повесомее, некоторые девочки с улиц насовсем ушли. Лера, например, завязала промышлять пиздой, потому как от управляющей от неё толку было больше. Да и Мурза расцвёл. Занимался любимым делом. Одно было во всём этом хуёво. Ради такой мелочёвки, как мясо на столе и нормальные сигареты в кармане, рвать жопу приходилось просто в клочья. Да и транспортные проблемы этот гешефт не решал. Бензина в регионе практически не было, возилось всё железной дорогой. Вначале следующего года Бек сделал своей Алинке предложение. * * *

Расписались они почти сразу зимой. Без особой помпы. Загс, ресторан, домашняя попойка для своих, а на следующий день молодые рванули на неделю в Питер. Свадьба хорошая получилась. Отчим алинкин ещё в прошлом году от своего туберкулёза отъехал и праздник не испортил. Надарили молодым всякой хуерги по приколу. По телеку тогда пичили наборы для канопе такие навороченные, так мать Алинки расщедрилась, и заказала им эту залупу. А там детали все мелкие, пиздец. Мы потом на квартире, когда молодые подарки открывали, долго угарали с набора. Мурза сшил Беку аж два костюма.

Понтовую двубортку с полосами и клубный на две пуговицы такого тёмно-зелёного цвета. Я Алинке подогнал кухонный комбайн и набор охуенных ножей. Мне их на заказ наделал знакомый рукастый железячник аж из медицинской стали. А Беку я по приколу подогнал "Незнайку на луне" с цветными картинками. Обещал мне, что это первая книга будет в его жизни, которую прочитает. Одно было хуёво, батя Бека так на свадьбу и не пришёл. Мать его ничего не говорила, а пацан особо и не расстроился. В его жизни отец никогда не отсвечивал особо, и Бек уже как-то привык. Через пять дней, как уехали молодые, стало известно, что батя Бека загребел в больницу с печёночной комой.

И там же дал дуба. Бек смерть бати воспринял без рефлексии. Пригрузился, забухал на пару дней, сходил на могилу, а потом дальше в дела. А дела попёрли интересные. В марте братья Самрины намутили где-то аж два тридцатикубовых бензовоза. Полных 92-го. Тура заехал ко мне в таком ажиотаже, что я сам загорелся. Да и вся мутка со стороны выглядела шикарно. Бензовозы пойдут ночью по М-54 из Красноярска на Кызыл. Как проедут Троицкое, мы встретим их, высадим водил и погоним машины сами. Тура и Воротник отгонят одну из цистерн в Минус тем мужикам, которые их на эту тему навели. Второй бензовоз заберём мы с пацанами. Четверть выхлопа с него зашлём братьям. Расклад сладкий, но я понял, что пацаны слегонца слугавили. Со второго бензовоза они по любому тоже как-то нагреются. Говорю, давайте пиздеть друг другу не будем. Было бы всё так шоколадно, вы бы эту тему нам не палили. Так что, если мы трое тоже в эту телегу впрягаемся, то берём весь второй грузовик себе. Тура поломался для приличия, но согласился быстро. Короче, стало понятно, что про второй грузовик для Минусинска он конкретно пропизделся. Видимо, прокидать своего информатора эти двое с самого начала решили, а потом нас натравить, как причастных.

К вечеру погрузились по машинам, взяли стволы и погнали впятером на дело. Договорились сразу, что работаем без мокрухи. За последние годы мертвечина как-то

подзаебала. В общем, лица не палим, погоняла не палим, водил аккуратно высаживаем, машины уводим. Подъехали на точку, встали на обочине, фары выключили. Взорвали ракету на пятерых, сидим, мёрзнем, ждём. Март ещё, сука, холодный вышел. Воздух влажный, ветерок лёгкий, на улице минус пятнадцать всего, а продувает до костей. Показались фуры. Идут гуськом на сорока. Прямо красота. Резко заводимся и встаём наперерез. Бек выскакивает из салона со своей ксюхой и даёт короткую очередь в воздух. Мы с Мурзой следом к кабинам, выволакиваем водил. Отводим к обочине, кладём на пузо, макары к затылкам. Мурза орёт на мужиков, типа лежать, не рыпаться! Чё суки, запомнили как мы выглядим? Машину запомнили? Жить хотите? Один из водил такой: ну хуй знает, как вы выглядите, но ты с таким выговором чурка по любому. Мы с Бексом заржали, а Мурза пару раз мужика въебал по почкам. Короче, говорит, будешь умничать, мы вас с дружкой сейчас порешим. Ну тот в ответ, типа, ладно, чё ты, не будем больше выёбываться. Воротник и Тура загрузились в свой бензовоз и погнались восвояси. Мы втроём залезли во вторую фуру и тоже тронулись. Только отъехали на пару метров, Бек начал угарать, как ебанутый. Ржёт и показывает мне на боковое зеркало. Я присмотрелся и тоже начал уссываться. Водилы стоят, машут нам руками и показывают на москвич Мурзы. Чечен тоже просёк, выматерился, затормозил вылез наружу. Я говорю, Бек, пиздуй за руль. А сам за Мурзой. Подходим к машине, водилы сами стоят с нас угарают. Ну Мурза мне говорит, что мы уже пиздец, как косяков напороли, и эти двоих лучше бы всё-таки завалить от греха подальше. Я говорю, базара нет. Достаём стволы. Тут один из водил и возмущается, вы чё, мол, пацаны, за "валить" с Турой разговора не было. Опачки, какие интересные подробности. Ну ка, говорю, колись за новый расклад. Оказывается, что оба водилы раньше гоняли из Владика тачки и башляли Самриным за проезд. Так и познакомились. И тему с бензином братьям тоже подкинули они. Грузовики хозяином застрахованы, эти двое, если чё, в потерпевших. А за наводку братья их греют на двадцать процентов с одной из фур. Короче, я поддёбку тогда верно понял. Ну, говорим, извиняйте, мужики. Только это, вы в курсах вообще, что братья нам за вас ни слова не сказали? И, срастись всё по-другому, мы бы вас тут же и прикопали на обочине? Короче, мужики децл приуныли, а мы с Мурзой решили, что Туру и Воротника нужно будет выставить на штраф для профилактики. Водилам предложили докинуть их до Черногорска, чтобы на трассе не мёрзли. Согласились. Погрузились в салон, проехали мимо Бека, тот подорвался за нами. Так и добрались до города. А на спуске за Пригорском Мурза вдруг свернул на обочину и дал по тормозам. Говорит, что мы ещё с одной темой проебланили. Куда мы денем тридцатикубовый бензовоз? Не к Беку же в гараж. Короче, временно загнали фуру в тупик на Майском, оставили Бека охранять, сами погнались в город искать телефон. Звоним Майору. Так мол и так, извините, что посреди ночи. Не знаете ли вы, куда бы нам в столь поздний час деть бензовоз на тридцать кубометров. Майор в ответ вспылал, мол, ёб вашу мать, откуда вы, блядь, такие берётесь. Хероманты – импровизаторы, наркоманы – фокусники. Хуй с вами, говорит. Гоните по такому-то адресу в Абакане. Притарите его там на неделю, за это бензовоз потом беру под реализацию, а бензин, так и быть, оставите себе. На том и порешали. * * *

Бензин улетал, как горячие блинчики. Распродали мы всё по частным заправщикам дня за три. Комерсы сами подъезжали и вывозили, даже с этим геморроиться не пришлось.

Отдавать цельный бензовоз Майору давила жаба, но не при нашем весе было лезть в залупу. Косяк Самриных вскрылся. Они не стали отбrehиваться и честно проплатили

штрафную. Водилы пару дней погудели с нами в Черногорске и уехали домой. Короче, это был не грабёж, а один сплошной долбоебизм от начала до конца. Хорошо, что в итоге всё вышло не совсем через сраку. Расскажу немного о Мурзе. С выхлопа по бензину пацан купил себе здоровенного кавказца. Кобель – медалист. Раньше работал в ФСКН. Сейчас ментовские кинологи тренируют собак на наркоту специальными финскими и норвежскими составами. Это, типа, гуманнее, не наносит вред здоровью собаки. И тренируют, в основном, сук. В 97 так собак никто не щадил. И на пенсию их можно было списывать уже лет в семь, так как нюх и почки вылетали быстро. Кобе, этому псу, было уже восемь. Мурзе его подогнал бывший мусор из Канска, который сам ушёл на пенсию и забрал пса с собой. На пенсионные деньги наёбывали тогда даже бывших ментов, так что, кормить эту бандуру мужику было тупо нечем. Да и деньги нужны были. Мурза от Кобы просто балдел. Пёс реально умён, воспитан, здоровенный, сука. И при всём при этом торчал от хорошей конопли. Короче, у нас будто своя химлаборатория появилась. Даёшь псу короб понюхать. Если химия, или на ацетоне вываривали, Коба сразу рычит и нос воротит. Если чистый гаш, или зимак, садится на жопу и начинает клянить. Если у левого кента чек геры на кармане, Коба сразу в стойку и рычать. Мы с пацанами такого красавца раз в неделю подогревали планом, так он за секунду всё сжирал, потом ложился на пузо и начинал залипать в стену. Обалденный был пёс. Такому псу в двухкомнатной квартире жить было ни с руки, поэтому решил Мурза купить себе частный дом. Денег он за эти годы деёл прикопил, так как не сливал их по всякой хуйне, как Бек, и от родителей не съезжал, как я от матери. Домик решили брать в Абакане, поближе к авто–рынку. Нашли пожилую семью, которая как раз собралась продавать свой и переселяться в Саяногорск. Один этаж, цементный кирпич, отдельная подстанция, канализация, отопление, горячая вода. И цена заебись. Внутр зал, кухня, спальная и маленькая столярка. Дворик только маленький, не развернёшься, но машину есть куда загнать, а это главное. Да и хули ещё хотеть за такие деньги? Короче, подписали документы, загнали бабло, а через две недели Мурза уже заехал в свою новую недвигу и начал понемногу обставляться. Кобе в подарок на новоселье мы замутили конуру, заделанную снаружи под боярский терем. По приколу было, да и такой знатный пёс меньшего не заслуживал. Иринка, сестра Мурзы, как раз заканчивала школу в мае, и решила поступать в Абакан. Там в 94–м как раз реформировался учительский институт. Был институт, стал Университет имени Катанова. Солидно, хули. Двчонка решила поступать на семейное право. А тут и новая недвижимость Мурзы в тему нарисовалась. Ирка и Мурза всегда как–то по–особенному ладили. Я вот много вдел братьев и сестёр. Где–то нормально всё, где–то срач на пустом месте, где–то такая ненависть, что хоть пьессу ставь. А эти двое вообще охуенно ладили. Мурза её читать учил ещё до школы, из больницы не вылезал, когда она в детстве с пневмонией как–то всю зиму провалялась. А Ирка выросла просто золотой девахой. Как мы с Бекон не завалимся к Мурзе, нас и накормят, и напоят. Один раз, пока я с похмела отходил на чае, она мне успела куртку заштопать. Реально, ни разу такого не было, чтобы я или Бек ушли из дома Мурзы в грязной обуви, что когда Мурза с родителями жил, что потом, когда переехал. Вот бывает такое, ни хуя не попишешь. Короче, как Мурза быт наладил, Иринка тем же августом поступила и переехала к нему. Родители их были просто счастливы, что дети вот так поднимаются. Да и мы с Бекон времени не теряли. Зазнакомились с кучей челноков, которые гоняли шмот из Турции, Греции и Китая. Со многими допизделись за сладкие цены, начали перепродавать нашим барыгам на рынках в Черногорск. Одного барыгу, который возил турецкие джинсы, хотели поставить на бабки какие–то левые фраера из местных. Мы заехали в гости к Майору, описали расклад, получили добро на бомбардировки. Забили шалупони стрелу. Подъехали в три

каска на пустырь, дождались, пока те пятеро подтянутся. Сами видно, что голых понтах. Головки побриты, костюмчики спортивные поглажены, туфельки вычищены, а сами лечат нам какую-то пургу за понятия-хуятия. Типа, нас люди знают, мы зоны греем, у нас менты в кармане. Слушаем и выхватываем с фраеров. Короче обычные каратисты из секции. Начитались Колычева, наблатыкались на пустом месте и решили в Тони Монтану поиграть. Ушатали мы их с огромным удовольствием. Одному, который начал ногами в воздух махать, Бек в секунду перемолол ломом оба колена. Я вынес того, который стоял ближе всех ко мне. Левой за шкварник, правой сверху по переносице. Ебало в кашу, фуфел в астрал, только пузыри кровавые из носа. Мурза замесил яйца в тесто самому здоровому. Тот аж взвыл, как собака. Блондинчик резвый рыпнулся на Бека. Тот замахнулся ломом, рывкнул "На жопу упал, бя!". И тот реально отшатнулся и упал. Бек с разбега впечатал ему ногой прямым в лобешник, и пацанёнок уплыл. Последний, мелкий самый, слился. Упал на колени, запричитал, типа, пацаны, только не мочите. Я денег дам, я машину продам. Не ломайте, пацаны. Бек такой осклабился, мол, чё, киса, здоровье больно дорого? Подходит к пацану, расстёгивает ширинку. Говорит, ну давай, соси прощения. Мелкий аж заплакал. Зажмурился, сделал губки бантиком. А Бек заржал и начал ссать ему прямо на голову. Пиздец, мы с Мурзой угарели с этой темой. Короче, с фраерков выпотрошили всё рыжьё и наличку и поехали по домам. * * *

За романтику уголовщины в своё время Майор хорошо пояснил. Подарки мы возили на левую квартиру в Абакане. В дом, где был магазин Палалар. Кирпичный такой, выёбистый. Квартира с голыми стенами, из мебели диван, журнальный столик и совковое кресло с красно-чёрной обивкой и деревянными ножками и подлокотниками. Ни занавесок, ни телевизора. Короче, казённый стиль, не за что уцепиться. Он всегда в кресле, на столике всегда коньяк и пепельница. Хрустальная, тяжёлая. Как-то раз привозим выручку, рассаживаемся на диван выслушивать политинформацию и расклады по республике. А Майор в тот день то-ли перепил, то ли просто приуныл. Посмотрел на нас кисло и говорит, мол, я вас, отморозков, всех ненавижу. Топчете землю, дышите, срёте, ебётесь кровоточите. Ничего выдающего собой не представляете. И при этом на полном серьёзе считаете себя лучше других. Думаете, что всем нельзя, а вам можно. Вы, говорит, не понимаете, что право убить человека, гражданина, его надо заслужить сперва. Надо собой что-то действительно важное представлять, чтобы даже просто человеку заявить, что он неправ. А вы, говорит, бандиты, воры, новые русские, – вы хуже бешеных собак. И сами со дня на день подохнете, и остальную стаю норовите заразить. Вас стрелять надо на месте. Только пасть откроете, только взглянете на нормальных людей, и сразу, в тот же момент вам надо пулю в затылок загонять. Хорошие, умные люди смотрят на вас, как вы шикуете, как жизнь прожигаете, как легко другим ломаете судьбы, им вешаться хочется от безнадёги. Была бы моя воля, говорит, я бы прямо сейчас вам и всем вам подобным кровь пустил. Тюрьма вас не исправляет, вы там только крепче становитесь. А вас надо убивать. Для вашего же блага. Да только такие, как вы, сейчас при власти. Но придёт время, и у власти будут уже, говорит, такие, как я. И вот тогда мы вам и Чечню, и Афганистан, и Приднестровье вспомним. И за каждого мальчишку, который жизнь положил за то, чтобы вы своих блудей сладко ебали, я вам всем в теле сделаю по дырке. И заплакал. Жалко стало мужика. Но знаете что? Ебал я его позицию. Были бы его принципы настоящими, он бы наше бабло не брал. А, раз брал, значит мало чем от нас

отличался. Слова словами, а цифры цифрами. * * *

А вот теперь реальная жесть. Такая жесть, что даже меня в своё время перекосило на все сто восемьдесят. Короче, сентябрь 97-го. Звонит Майор, говорит, тащи своих пацанов на

Палалар, есть работа. Пакуем наличку в подарок, едем, заходим на квартиру.

Рассаживаемся по дивану. Майор смурной, серый прямо. Говорит мне, мол, Фашист, одна из твоих девочек вчера ночью обслуживала очень больших людей. Больше меня, вас, больше всей вшей говёной республики. И делали эти люди очень нехорошие вещи.

Настолько нехорошие, что, если она начнёт рот открывать, будет всем хуёво. Короче, делайте, что хотите, но говорить она больше не должна. Я пригрузился. Кто, спрашиваю.

Майор отвечает, что Алёнка. Я совсем стух. Алёна была просто заей. Шестнадцать лет в прошлом году исполнилось. Волосы светленькие, личико грустное немного, сама миниатюрная совсем, глазки добрые, губки ласковые. Золотце просто. Денег пока немного приносила, потому что не умел ещё ничего. Сама не детдомовская даже. Просто дочь алкашки с Девятого. Братика младшего тянула, пока мать спирт хлестала. Я её как

раз недавно в Абакан на Пушкина поставил. Жалко было такую пусю на всякую шалупонь разбазаривать. Спрашиваю, иначе что, никак? Майор говорит, мол, не развози сопли по полу. Сказал же, хоть язык её отрежьте, хоть голову раскроите, но говорить она больше не должна. Вышли покурили. Я говорю Беку и Мурзе, чтобы пиздовали домой. Сам всё сделаю. Мурза понял, что я на краю уже с таких раскладов. Говорит, что, мол, давай я сам её упокою. Ты не парься, она даже не поймёт ничего.

Молотком по затылку ебану, и всё. Понимаю, типа, тебе жалко её, все дела, но надо делать. Иначе все ляжем. Я говорю, иди ты в пизду. Моя девочка, значит и ответственность моя. Нечего вам в это лезть. Уёбывайте, пока мне башню не сорвало на хуй. А то поссоримся ещё. Пацаны поняли всю тему, отстали, разъехались. А я погнал в синюю устрицу. * * *

Так четырёхэтажная общага назвалась на востоке города. То ещё место. Там разная шваль ошивалась. И наркотой барыжили, и мокруху мутили. Но наших девочек там трогать боялись. Алёне я в своё время комнату замутил на третьем этаже. С балконом даже. Приезжаю, стучусь, открывает она мне. Спрашивает, чай будешь? А я сморю на неё и колочусь реально. Хуй знает, что за изверги с ней развлекались. Короче, на левой руке безымянный палец и мизинец ей откромсали. Правая кисть в гипсе. Видимо, переломали. Лицо раза в два больше обычного. Опухшее, в кровоподтёках. На голове несколько прядей с корнем выдраны. Охуеваю. Говорю, подождёт чай. Раздевайся. Дай взглянуть, что ещё с тобой творили. Она улыбулась грустно, скинула халатик. Спина вся в тонких порезах и ссадинах. На груди ожоги от сигарет. Ягодицы в мясо изхлёстаны. На бёдрах гематомы. На шее след от верёвки. Сука, страшно стало. Уж какую только мерзость я сам или кореша мои с людьми не творили. Но деваха, блядь, обычная деваха! Денег не торчит никому, приход не скрывает, другим людям жить не мешает. Еби её на здоровье, ей за радость только. Она тебя и ротиком приласкает, и на ушко поворкует. Нахуя вот так? Какой кайф от этого?! Спрашиваю, водка есть у тебя? Приносит, наливает. Забираю поллитру, вылакиваю залпом половину. Нихуя легче не становится. Говорю ей, Алёнушка, лапа моя, ты попала так, что дальше некуда. Чё делать будем? При таких раскладах у меня один выход, валить тебя наглушняк и к

Енисею в пакетах везти. Как эти уёбки вообще на тебя вышли? А она грустная такая, не плачет даже. Говорит, что приехал Майор, забрал на частную квартиру. Там эти двое. Самим под сороковник, лица неприметные, пиджаки серые, сидят, дуют кокс. Говорят, садись с нами, девочка, отведай запах Никарагуа. Небось в своей Хакасии ничего краше мака не видела. Села, занюхала, поплыла. Один ей на рот дал, потом начал ебать. Второй тоже решил присоединиться. Да только как Алёнка его ни ласкала, никак он не заводился. Психанул, начал её пиздить. Второй ещё сильнее завёлся. Начали они вдвоём над ней измываться. Били по лицу со всей дури, резали, хлестали ремнями, бычки о сиськи и пизду тушили. Та редела, орала, а они только сильнее заводились. Один бельевую верёвку принёс, накинул ей на горло, вставил в жопу без смазки. Ебал, бил по спине и душил, пока второй смотрел и хуй себе рукой наяривал. Потом первый ей веко держал, пока второй в глаз пытался спустить. Блядь. Я слушал и зверел и нахуй. А она рассказывает спокойно так, будто и не с ней всё происходило. А в конце спрашивает, что, мол, ты же меня убьёшь сейчас? * * *

Я отвечаю, пошли бы они на хуй. Суки, блядь. Собирайся, говорю. Сделаем всё по-божески. Собрали ё документы, шмотки, деньги. Посадил её в машину, погнали на север. Сам бухой был, гнал дико. Как только добрались до Красноярска, хуй знает. Поехали в емельяновский аэропорт. Алёнка поняла, к чему я клоню. Говорит, Фшист, ты дурак, пиздец. Отвечаю, мол, иди ты на хуй, заботливая, бля. Я это не для тебя делаю. Для себя. Та такая, а братишка мой как же? А мать? Отвечаю, чтобы не тупила. Говорю, ты им только хуже сделаешь, если с радаров не уйдёшь. Так только ты в группе риска, а начнёшь отсвечивать, что будет с близкими? Вроде, поняла. Перестала выёбываться. Даю ей денег, говорю, иди за билетом на вечер, покупай, возвращайся. Но даже мне не вздумай говорить, куда съебёшь. Та ушла, купила, вернулась в машину. Сказала, что на завтрашнее утро купила. Поехали в город. Зависли до следующего дня в "Востоке". Там в то время вопросов не задавали по поводу того, что я, жлобина, с малолеткой один номер на двоих взял. Сгонял в аптеку, купил ледокаина, бритвенных лезвий и шприц. В хозяйственном на Красрабе купил электрический утюг. Из ех, коорые ещё без подачи пара были и могли одежду подпалить, если провафлишь. Вернулся в номер, говорю, извини, мол, но за мою доброту и бабло мне от тебя потребуется услуга. Отдашь мне ухо на память. Та не стала возражать. Влила в себя водки, я ей обколол ухо ледокаином. Поставил утюг греться. Повёл в ванную. Взял лезвие, прокалил зажигалкой. Сказал, глаза закрой. Хуяк, и откромсал левое ухо. Крови было, ёбанный в рот. Прижал полотенцем рану, вывел в комнату. Прижёг рану утюгом. Кровь остановилась. Водкой протёр й шрам. Вроде ровно получилось. У девахи шок, отрубилась. Положил её на кровать. Сам сел телевизор смотреть. Ухо в пакет замотал. На утро еле разбудил девчонку. Рана распухла, пиздец. Я немного пригрузился. Снова сгонял в аптеку, купил антибиотиков. Пришла дежурная по этажу номер принимать. Смотрит, вроде нормально всё. Заходит в ванную, а там жесьть. Кафель в крови, унитаз в крови, пол в крови. Говорю, чё ты хочешь? Цикл. Лезвие бритвенное достаю, показываю. Спрашиваю, есть ещё вопросы? Не было у тётки вопросов. Сдали ключ, погнали на Емельяново. Высадил Алёнку у аэропорта. Та спрашивает, ты меня не будешь провожать? Говорю, не тупи. Буду знать, куда ты съебала, из меня это вытянут, если захотят. Так и вопросов нет. Та полезла обниматься, причитать. Я ей говорю, да иди ты на хуй, лапа моя. Не искушай судьбу. Я это всё делаю не потому что ты такая хорошая. А потому, что сам трус ещё тот. А теперь уёбывай, и чтобы я тебя больше никогда в жизни не видел. Оставил её у

аэропорта и погнал обратно в Хакасию. В Черногорске отзвонился Майору, сказал, что всё сделал. Он помолчал, потом сказал, что всё нормально. Что так и должно быть.

Спросил, можно ли к нему заехать вечером, подарочек отдать. Тот не понял, о чём я. Сказал, ну, заезжай, хуй с тобой. Приехал вечером на Палалар. Зашёл в квартиру. Кинул на столик журнальный Алёнкино ухо. Сказал, это тебе, Майор, на память. В следующий раз, когда погонишь моих кобылок на развлечение своим гостям, взгляни на ушко. Говоришь, что пацаны, которые в Чечне и на Приднестровье полегли на моей совести? Так вот, знай, сука, что Алёнка теперь на твоей. * * *

Разбавлю чернуху парой весёлых историй. В Черногорске действовал местный телеканал "Виктория". Доход у них был только с двух тем. Днём на канале крутили рекламу местных и абаканских предпринимателей, а вечером начиналась программа поздравлений по заявкам. Миловидная девушка зачитывала поздравление с днём рождения, свадьбой или юбилеем, и запускался заказанный клип. Всё остальное эфирное время на канале крутили фильмы с VHS. Вот такой у нас в городке был рассадник халявы. Львиную долю хороших фильмов я в своё время впервые увидел именно на "Виктории". В начале января 98-го пацаны решили поздравить меня с днём рождения и арендовали под это дело весь эфирный день. С самого ёбаного утра. Я включаю телевизор, а там студия с девушкой, и она читает: "Дорогой Фашист! Братва поздравляет тебя с днём рождения, хуё моё, счастья тебе и богатырского здоровья!". И улыбка до ушей. И включает клип Шофутинского про ненаточные ножи. Как я ненавидел Шофутинского! И особенно эту конкретную песню. А только клип заканчивается, и девушка опять за своё. Пацаны поздравляют Фашиста и желают ему долгих лет жизни. И снова эта ебучая песня про ножи. И так весь, блядь, день, по кругу. Девушка и стишки эти ебанутые зачитывала, которые тётки друг другу пишут. Ну, там где рифма в духе "день рожденья – наслаждение". К полудню меня уже дёргать начало от Шофутинского. Тут позвонили пацаны, ржут в трубку, суки. Поздравляют. Уссываются. Вот так мы подкалывали друг друга периодически. В мае того же года у нас выкупили новый рынок. Пришёл человек, сказал, что от администрации нового мера. Кинул нам чемоданчик с наличностью и предложил уёбывать. Мы попросили человека не уходить далеко и позвонили Майору. Тот подтвердил, что человек действительно имеет полномочия вести себя так нагло, и что мы не можем вскрыть его на месте. Спросил, сколько нам предложили. Мы назвали сумму. Майор ответил только, что ещё даже очень по-божески. К тому же, Саяны и старый рынок остаются всё ещё за нами. Не лезьте в залупу, короче. Вскоре после того, как мы послушно съебали, новый рынок начали перестраивать. Лотки ликвидировали, дикарей гоняли, строили больше павильонов, разогнали всех, кто торговал близ здания Дома Быта. Мы думали, куда перевести комерсов, которых до этого столько времени доили. Многим новая администрация рынка предложила заселяться в павильоны. Аренда была чуть больше, чем раньше, если считать вместе с нашей таксой. Люди соглашались. Тех, кто шёл в отказ, мы по доброй памяти передавали абаканским. Торгащей те расселяли по рынку близ автовокзала. Места хватало. И, хоть вся эта ситуация и отдавала говном, мы из неё вышли, не потеряв лица. Начали думать, как бы вложить выкуп за рынок. Мурза предложил расширить наш гешефт с вязаньем. Докупить оборудование, переехать в нормальное помещение. Но здесь я пошёл в строгое отрицалово. Объяснил я пацанам свою позицию так: вязание наше даёт доход только потому, что дешёво и сердито. Сейчас, вроде, закончился бардак в Чечне. У людей деньги снова понемногу водиться

начинают. И куда они пойдут с деньгами, покупать наши кофты–юбки–свитера? Да хуй бы там. Совсем нищие будут брать китай, это ещё дешевле. Те же, кто побогаче, пойдут затариваться турцией и грецией. Шмотки из этих стран просто красивее, мы их тупо не переплюнем. И останемся мы с нашим бизнесом на хуй не нужны никому. Короче, пацанов убедить удалось. Своё оборудование мы по–немногу тоже распродали. Из получившихся денег купили в Абакане парикмахерскую. Решили сделать из неё нормальный такой салон красоты. Мать Мурзы уговорили стать управляющей.

Некоторые из освободившихся кобылок согласились перепрофилироваться в маникюрщиц–стилистов. Лерка тоже пошла в новый салон бухгалтером и заведующей по хозяйству. Девчонка реально умела крутиться. Косметику она доставала дешевую и нормальную, вроде. Клиенты не жаловались. Да и деньги считала грамотно. На оставшиеся деньги мы купили в Абакане большой гараж под автосервис и маленький склад в Черногорске. Так, на всякий пожарный. На запах гаража тут же прибежали братья Самрины и предложили себя в качестве управляющих. У них, мол, и опыт, и связи, и множество знакомых профессионалов на примете. от жестянщика до электронщика. Мы так подумали, что хуй с ними. Отдали гараж им на откуп. Обговорили процент, который хотим с нового предприятия видеть, договорились, чтобы без наебалова клиентов было. Не хотелось, чтобы новая фирма с самого начала закрепила за собой хуёвую репутацию. С бумагами пришлось повозиться тогда. С матерью Мурзы проще было, мы весь салон красоты тупо на неё оформили, и все дела. С Турой и Воротником так было нельзя. Ребята уже два раза показали, что они по жизни кидалы. Нашли трёх разных юристов, поставили им задачу всё правильно оформить. Сравнили их варианты, потом собрали их всех в одной комнате и предложили им из этих вариантов нарисовать нам самый вкусный. Короче, оформили, вроде, всё грамотно. Через два месяца автосервис начал работать, а салон красоты к тому времени уже начал приносить первую прибыль. * * *

Чтобы хватило на всю хуйню, мы продали мерскому мужику наши места на старом рынке. Заплатил он чуть по–меньше, место там было не такое лакомое. Мы, короче, были в конкретном ажиотаже по поводу новых начинаний. Не считая проституток, мы таким темпом полностью должны были легализоваться. Меньше головняков, меньше палева постоянного. И чернухи в жизни должно было поубавиться. Да вот хуй бы там. В конце Ноября мы с Мурзой отвисали у меня на хате, когда позвонил Бек. По голосу сразу стало понятно, что всё очень плохо. Он не стал в подробности вдаваться, только рассказал, что у него полное попадалово, и назвал адрес. Адрес был знакомым. Двухэтажный жилой барак, слегка обгороженный в самом конце восьмидесятых. Два подъезда и по четыре квартиры на этаж. Район Солдатских домов, там все здания были такими. Даже новодел середины девяностых построили так же в два этажа и с такой же убогой планировкой. Короче, по этому адресу жила Лера. После детдома, когда распределяли жильё, наёбывали наших сирот страшно. Кому–то доставался голый участок земли на окраине, кому–то квартира в заброшенном уже здании, кому–то просто вот такая халупа, как у Лерки. И было это ещё за счастье. Многих бывших сирот вообще было проще турнуть из республики по–дальше с документами на несуществующее жильё. Так они и ехали в тот же Красноярск за комнатой в общежитии, а находили гулькины хуи. Короче, мы погнали в квартиру Лерки. Ночь, темно, хоть глаза выколи. В подъезде ни одной лампочки не горит, во дворе тоже темень кромешная. Идём на второй этаж, стучимся. Открывает нам Бек. Из квартиры чем–то люто воняет. Он молча кивает в

сторону зала. Заходим. И, ёбанный в рот, меня аж затошнило. На диване валяется Лерка с распоротым снизу вверх животом. Реально, вскрыта, как по учебнику. От лобковой кости до самой грудной клетки. Потроха наружу, воняет говном и желчью. Кровью уже весь ковёр и диван пропитались. А у стены сидит Алинка, держит в руках нож и смотрит на весь этот пиздец. Мурза отошёл в угол и сблевал. Я открыл форточку, достал штатет, закурил. Попадалово было действительно лютым. * * *

Бек начал объясняться. Короче, Леру он поёбывал уже с полгода. Не просто так поёбывал, а с чувствами. Ночевал у неё иногда, подарки возил. Окна пластиковые ей на кухне поставил. Алинку это всё досбало. Но она до последнего делала вид, что ничего не происходит, что всё нормально. Только мозги иногда покусывала да истерики закатывала. А сегодня утром Бек от неё ушёл. Сказал, что с концами. Короче, ебал он ночью Леру, тут позвонили в дверь. Он сам пошёл открывать, типа, кому чего посреди ночи понадобилось? На пороге Алинка. Сходу Бека оттолкнула, побежала в зал и зарезала на хуй Леру. И вот так теперь сидит, и ничего не говорит. Мурза подходит к Алинке, аккуратно забирает у неё нож. Та ноль реакции в ответ. А потом смотрит на Бека, такая, и спрашивает, ты же меня бросил потому, что я тебе детей до сих пор не дала? Эта потаскуха залетела от тебя, вот ты к ней и ушёл. А мы с тобой уже два года пытаемся, и ничего. Как Димочку выкинула, так с тех пор и ничего. А эта смогла. Быстро, видимо. Хорошо тебе с ней было, Бек? Небось, с ней ты вместе героинном не кололся? Со мной колоться можно, а эта, – она бы тебе детей родила. А меня потом и бросить можно. Меня не жалко же, да, Бек? И начала хохотать на весь дом, так громко, что мне аж страшно стало. Мурза, говорю, отвези домой её. Тот кивнул, поднял Алинку с пола, повёл к машине. Я сижу, смотрю на Бека. Говорю, ты же, сучий хуй, так и не бросил. Замочил того цыгана и продолжил ставиться потихоньку. Бек кивает. Говорит, что уже года четыре колется раз в неделю–две. Старается, чтобы мы с Мурзой не палили. Я говорю, мол, мне, дружище, на твоё здоровье и моральный облик как–то поебать. Ты дурак, видимо, по жизни. Меня другое смущает, что у тебя вечно с деньгами какие–то головняки. Как мы на троих пытаемся куда–то скинуться, у тебя часто нет за душой ни хуя. Базара нет, ты со временем считаешься, да и польза от тебя бывает, какая–никакая. Вот только проблем от тебя тоже много. А, случись что, как на тебя полагаться, если ты в любой момент можешь всё своё бабло на героин спустить? Бек начал возбухать в ответ, типа, да ты не охуел ли так разговаривать со мной? Я сидел, я на зане в блатную масть выбился. Без меня бы хуй вы с Мурзой чего добились, так бы и месили цемент на стройке хакасам. Я отвечаю, типа, в блатных ты ходил пешком под шконку, так что не лечил бы ты мне за свои заслуги и статус. Бек кинулся на меня, въебал мне головой в бровь. Но мне хули, у меня башка давно к тому времени была отбита. Прописал ему двойку в челюсть, тот упал. Я ногами добавил, короче, знатно пацана помял. Тут приезжает Мурза. Видит, Бек потерянный за батареею держится, у меня бровь в кашу и рожа вся в крови. Говорит, чё за хуйня? Мы упали, говорю. Решили вопрос Бека позже решить. А сейчас надо было как–то дело замять, чтобы Алинка не присела, да и у нас чтобы проблем не было. От трупа избавляться смысла не было, квартира, один хрен, была к тому моменту уже настолько провонявшая и изгаженная, что следы затирать мы бы заебались. Да и как Лерку выносить, когда из неё ливер на пол сыпется? * * *

Поехали к бичам. На севере от города была большая помойка, где жило довольно много бомжей. Строили себе временки, жгли костры, кормились с меди, алюминия и бутылок.

Короче, полнейшая жопа, а не жизнь. Каждую зиму кто-то подыхал. Приехали, пошерстили по временкам, в остове камаза нашли одного опустившегося мужика. Дали ему водки. Спросили, нахуя тебе эта свалка? Давай мы тебе казённый дом организуем с питанием и крышей за счёт государства. Возьмёшь на себя жмура, тебя оформят по сто пятой. Заедешь на зону. Сидеть будешь на строгаче, без беспредела, без блатного преса. Статья у тебя будет нормальная, будешь ходить в честных мужиках. Мужик не ломался, попросил только ещё водки ему купить и папирос пару коробок на зону. Привезли его к дому Лерки, завели в квартиру. Тот сам позвонил в ментовку, вызвал наряд. Мы пошли на улицу, чтобы рожами не отсвечивать. Загнали машину за угол, заховались во дворе в темноте. Видим, часам к шести утра уже подъехал наряд. Бомжа вывели, посадили в машину, повезли оформлять. Короче, бич оказался прошаренным. Во время дознания грамотно косил на шизофрению. Сказал, что Лерка его подкармливала. Пустила к себе перекантоваться, потому что ночь холодная была. А он нашёл водку в холодильнике и наебенился. От водки ему, типо, башню срывало после Афгана. Решил, что взяли штурмом аул. Накинулся на Лерку, изнасиловал и убил. Начал живот вскрывать, чтобы потроха на окне повесить талибам на память. Пришёл в себя, охуел, вызвал ментов.

Стелил он гладко. Загасил на принудительное лечение в закрытую дурку с последующим отбытием срока на строгом режиме. Дали ему пятнадцать лет с возможностью УДО. Но это мы уже потом узнали. А тем утром, как увидели, что бича упаковали в бобик, тут же рванули к Беку на хату. Надо было отпиться и решить, что дальше делать. Заходим, идём на кухню пить коньяк. На полу валяется Алинка. Пока дышит. Короче, как Мурза её привёз домой, она, типа пошла спать. А, когда тот обратно поехал, написала записку, навернула снотворного вперемешку с барбитурой и решила красиво дать дуба. Некогда было скорую ждать, вызвали хирурга знакомого с Девятого посёлка. Тот сказал, везите сюда. Привезли, врач её выполоскал, поставил капельницу. Та начала в себя приходить. Увидела нас и разревелась. Говорит, не хочу вас видеть. Вы все чудовища. У меня из за вас вся жизнь сломана, у меня в зале кровью до сих пор воняет. Вы как вороны. Всегда где вы, там мертвечина. А я, говорит, не хочу так больше. Врач нам объяснил, что сейчас с неё после барбитуры толку мало будет. И вообще, надо бы её к психиатрам отправить на пару месяцев. После попытки самоубийства это, типа, стандартная практика. Такой вот у нас вышел конец года.

Алинка загремела в сумасшедший дом. Беку мы поставили условие, что он либо завязывает по чесноку, либо выходит из дела ногами вперёд. Устроили пацана на год в православный санаторий в Северо-Енисейске, чтобы рубил дрова, таскал воду, читал Библию и дышал свежим воздухом. Через три месяца Алинку выпустили, и она заочно подала на развод. С документами мы с Мурзой скатались в Северо-Енисейск и уговорили Бека не ломать жизнь девахе и всё подписать. Алинка вернулась к матери в Усть-Абакан. В следующем году они продали дом и уехали из республики подальше. О смерти Лерки в городе никто особо не говорил. Проститутка, сирота что с неё взять?

Глупо жила, глупо умерла. Обычная бытовуха, какой и без того много. * * *

В 99-м году мою матушку взяли в оборот Свидетели Иеговы. Вот такая вот хуйня в лёгкую случалась с пожилыми одинокими женщинами. Сначала милые улыбчивые старушки становились им подругами, потом прилично одетые молодые люди, верившие

в бога и не ведущие распутный образ жизни приглашали их на свои встречи. Короче, через несколько месяцев такой обработки мать начала мне затирать при встречах о Библии, о грядущем конце света, о грешниках. Я был с таких раскладов просто в охуевозе. А, когда узнал от общих знакомых, что половину денег, которые я давал матери, она заслала этим свидетелям на строительство их дома молитвы, я конкретно озверел. Поехал к матери, поговорил. Спросил, когда в следующий раз к ней в гости зайдут. Договорились, что я тоже в этот день приеду, очень уж мне хотелось услышать благую весть. Приехал, сижу на кухне, пью чай с коньяком. Звонок в дверь. Мать открывает, заводит чижику лет тридцати и деваху. Парень на вид, вроде, нормальный. Рубашечка, галстучек, жилеточка вязаная, ручки, как у пианиста. Деваха внешне красивая, статная. Только глаза дикие, пиздец. Не голубые даже, скорее, белые почти. Русая, стройная. В блузочке наглаженной. У обоих улыбки на лицах, такие честные – честные. Смотрят на мою косую рожу, на рыжую цепку, на кулаки раскроенные. Улыбки с лиц уходят. Садитесь, говорю, проповедуйте мне за всю хуйню. Ну, они себя в руки взяли, начали залечь. Короче, я так понял, что главная их фишка, которая не как у всех, это то, что они писание трактуют буквально. Отвергают догмат о троице, о бессмертии души, верят, что пришествие царя царей ознаменуется буквальным обретением бессмертия. И жопу при таких делах надо рвать не за место в раю, а за право выкопаться из могилы и жить на земле вечно, когда придёт время. Заебись, говорю, ребята. Чётко. А вот скажите мне, на что вы живёте? На какие деньги рубашечки, туфельки? Стелете–то вы гладко, видно, что по теме наблатыкались. По любому вы же ничем другим не занимаетесь больше, кроме как сирым и убогим по ушам ездить. Говорят, мол, да. Мы профессиональные миссионеры. Катаемся по России, несём благую весть. Сами муж и жена. Говорю, это понятно. Деньги–то откуда? Прихожане, мол, дают. Жильё на новом месте "Сторожевая башня" оплачивает. А мы собираем деньги на дома молитвы. Потом в Бруклине принимают решение, кто будет настоятелем в новом доме, а мы едем дальше. Отвечаю, что всё с ними ясно. Говорю, хуй с вами. Делайте, что привыкли. Только вот эта женщина на ваши собрания ходить больше не будет. И срать в уши вы ей больше не будете. Мне на хуй не надо, чтобы она в итоге продала квартиру и переселилась куда–нибудь в деревню к таким же лохушкам. Тут чижики решил, видимо перед своей женой выебнуться. Гордый такой, говорит, что я не имею морального права решать за мою мать, как ей строить отношения с Богом. Пиздец, не в его положении было выбирать такой тон. Въебал ему по уху, добавил пару раз по спине табуреткой. Баба его бросилась на меня с кулачками. Отвесил ей пару оплеух, ёбнул с колена в живот, чтобы посидела рыбку поделала. Сам беру мужика за ногу, тащу вниз по лестнице четыре этажа. А у него бошка только по ступенькам тук, тук, тук. Выволок из подъезда положил в лужу. Тут и жена его выбежала. В слезах, орёт, мы милицию вызовем, вас посадят. Я угараю с неё, спрашиваю, а где ваше всепрощение, ребята, хули сразу милицию? Давай ты мне лучше другую щёку подставишь, да я тебе насую за неё. Короче, говорю, ещё раз увижу кого–то из их коды, приеду в их дом молитвы и сожгу его нахуй вместе со всеми свидетелями. И всё, как рукой сняло. Ни одной больше бабушки с журнальчиками, ни одного мальчика с девочкой в блузочках. Матушка моя тосковала некоторое время без общения с ними, потом успокоилась, вроде. * * *

Но я одно понял, без работы и без подруг, и без дела какого–никакого, мать у меня ещё в какую–нибудь такую парашу влезет. Не к иеговистам, так к Вессарионовцам, не к ним, так к кришнаитам. Надо было восстанавливать отношения с роднёй. Повёз её к своей

тётке в Нижний Новгород. Мамкина старшая сестра. Короче, когда мать оказалась с пузом и без мужа, родители от неё фактически отказались. Сказали, пиздуй куда хочешь, только позору с тобой в городе наживём. Из Красноярска она съехала в Хакасию, фактически, без копейки за душой. Благо, тогда ещё молодым специалистам при переезде во всякое захолустье давали жильё. Короче, ни деда, ни бабки по линии матери я не знал практически. Только к деду на похороны ездил в 89-м. И то, бабка со мной отказалась общаться. Сказала, мало того, что ублюдок, так ещё и рыжий. Ну да хуй с ними, они померли, и ебал я в рот их претензии. Но вот мамкина старшая сестра от неё не отказалась. И ездила к нам в гости в Хакасию, и помогала ей первое время, и со мной нянчилась, пока мать с работы не вылезала. Хорошая у меня была тётка. Как дед с бабкой померли, тётка продала всё к хуям и уехала в Нижний, открыла там частную врачебную практику. Я решил мать к ней пристроить. Обе одинокие, обе медики. Тётка моя ещё и бездетная к тому же. Рано овдовела, да так в работу с головой и ушла. В общем, идея им пришлось за радость. Продали мы квартиру матери в девятиэтажке, я докинул децл, купили квартиру в Нижнем, в том же доме, где тётка жила. Заебись всё срослось, короче. Мать при деле, есть, с кем пообщаться. Да и от моих денег стала зависеть меньше. Я к ней потом мотался раз в три-четыре месяца. * * *

Ну и на волне такого вот воссоединения, рассказала мне матушка про моего батю. Который водилой на скорой работала. Звали его Александром, жил он по-прежнему в Красноярске. Последний раз, как мать за него пробивала, работал так же водилой, только теперь в городской администрации. Я долго собирался, долго ломался, но взяло своё любопытство. В сентябре поехал в Красноярск. Погнал в администрацию. Поговорил с охраной, узнал, как к водителям пройти на гаражи. Спустился, выцепил какого-то мужичка. Спросил, Александр тут работает ещё? Говорит да, но он в отгуле будет пару дней. Спрашиваю, у кого можно адрес его пробить? Мужичёк сразу на палево, пошёл в отказ. Говорю, хуй с тобой. У вас тут есть диспетчер, или бригадир? Да, говорит. Вон тот мужик молодой. Пошёл к молодому мужику. Те же вопросы. Тот без выебонов, сразу спрашивает, тебе он зачем? Говорю, денег банку торчит. Ищу его для судебных приставов. Дашь адрес, – организую тебе вознаграждение. Договорились за сумму, получил адрес дома. Батя мой жил на Пашенном в девятиэтажке. Почти на самом берегу, рядом с судоверфью. Погнал туда. На улице вечер уже, но тепло, погода хорошее, солнце садится. Поднялся на нужный этаж, постучался. Открывает пацан лет двенадцати. Спрашиваю, Александр такой-то здесь проживает? Пацан зовёт батю. Выходит мужик пожилой. Тоже квадратный, только ростом меньше и с пузом уже. Волосы рыжие с сединой. Добрый вечер, говорю. Следователь Иванов, по поводу ваших соседей сверху. Уделите мне минут десять? Пообщаемся во дворе, не для детских ушей вопросы будут. Мужик кивнул, обулся, спустились во двор. Тот закуривает, с ходу в лоб спрашивает, типа, ты сын Вероники? Говорю, да. Батя охуевает пару минут. Говорит, заебись вымахал. У тебя нормально всё, деньги нужны, или помочь чем? Я отвечаю, блядь, да у меня заебись всё в жизни, ты чего. Бизнесы мучу, гараж вот купил, парикмахерскую. Зарабатываю нормально. А чё конспирируешься, спрашивает. Да, говорю, хуй знает, какие у тебя сейчас в семье расклады. Не хотел их нагружать лишний раз. Тупо хотел на тебя посмотреть. Батя мой засуетился, говорит, давай я тебе хоть поляну организую. Двадцать семь лет тебя не видел, хули. Метнулся домой, предупредил родных, что уматывает по делам. Переоделся. Погнали с ним до магазина, купили коньяка, мяса копчёного. Пошли на берег Енисея. Там в то время ещё пляж был

каменистый, дикий. Там все местные отвисали, пока застраивать не начали. Посидели, выпили, рассказал бате за дела свои, рассказал, как мать устроил в Нижний. Тот тоже мне пояснил за всю хуйню. Рассказал, что после армейки пошёл водителем на скорую.

Там с мамкой моей познакомился. Она практиканткой была от мед. института.

Понравились друг другу, загулял с ней. А потом она взяла и пропала из города. Тот пошёл к её родителям спросить, что за хуйня. Те его нахуй послали с порога. Дед мой покойный берданку выволок, сказал, ещё не хватало, чтобы его дочь с поляком водилась. Уехала она, говорит. С концами уехала, не ищи её. Батя мой погрузился, да и забил хуй. Уже потом узнал, что Верочка его из города с брюшком уехала. Но ему хули было? Молодой. Дальше себе работал. Лет пятнадцать назад нашёл себе женщину, женился. У него от неё уже дочка и младший сын. Сам крутится, работает уже на хорошую зарплату, халтурит в свободное время. Жена бухгалтершей работает в администрации. Тоже здраво всё. Напились, батя попытался сопли развозить за свою вину. Успокоил мужика, сказал, чтобы не ебал себе мозги под старость лет. Ничего он мне не должен, мол. На том и сошлись. Ночью распрощались, договорились, что буду заезжать к нему иногда в гости. Сам пригласил его с семьёй в Хакасию, типа, на озёра съездим. Заебись с батей пообщался. Остался доволен. * * *

Наступил 2000-й, и по телевизору все начали орать о приходе нового тысячелетия. Это меня конкретно коротило. Новый наступает в 2001-м же, хули из-за круглой даты такой хайп разводить? Но кто я такой, что бы спорить с Киркоровым? Короче, проблема 2000 не случилась. Падение метеорита не случилось. Ядерная война не началась. Просто у нас отжали Саянский рынок, такой вот вышел конец света. В январе у рынка сменилась администрация. Люди, через которых торгашки нам раньше засылали, просто пропали в неизвестном направлении. Новые ребята показали ксивы помощников одного депутата и сослались на Майора. Мы с Мурзой поехали на Палалар. Уже без подарков и в очень плохом настроении. Майор при встрече просто сказал, что теперь в республике новые расклады. Короче, ментам он за нас засылать больше не будет, наши проститутки отходят под абаканских мусоров, рынок ложится под нового мера, магазины перекупаются у владельцев нужными людьми, и нам эти люди больше не платят. Сам Майор с лета уезжает поближе к Чечне. Там намечалась новая заварушка из-за какого-то аэропорта. Предложил он нам организовать ЧОП в Абакане и начать зарабатывать по-белому. Дал намёк, в каких кварталах города можно будет работать.

Дал немного отступных за кобылок и магазины, чтобы мы себя совсем уж ничтожествами не чувствовали. И послал нас подальше. Сказал, что дружба кончилась. Мы себя чувствовали наёбанными. Ну это в то время было нормально. Многих вот так наебали. Кто-то без бизнеса вообще остался. Кого-то убеждали продавать акции за бесценок. Убеждали угрозами сроков и ударами по почкам. Мы ещё отделались легко.

Девочки наши, которые всё ещё работали пиздой, переселились в новый шалман в Абакане. Целый подъезд девятиэтажки менты оборудовали под бордель, и новые лица им были очень нужны. Чтобы не развозить соплю по полу, мы сконцентрировались на делах. Салон красоты уже и без Лерки работал, как часы. С автосервиса шёл неплохой выхлоп. Склад мы сдали в аренду одной фирме, делавшей евроремонт в хрущовках и брежневках. В деньгах, короче, потеряли немного. Замутить ЧОП оказалось делом очень геморройным. Лицензии мы, фактически, купили по охуевшей цене. Зато сэкономили на системе оповещения. Её нам монтировал один мой знакомый паренёк из Горного. Офис открыли на окраине Абакана в районе Полярной. Купили двушку на первом этаже и

переоформили её под нежилое. Один из юристов, который помогал нам организовывать автосервис, и тут оказался очень полезен. С документами у нашей новой фирмы всё было в ажуре. С апреля взяли под охрану два магазина и четыре ларька, все неподалёку от офиса. Тут и Бек вернулся из своей ссылки. Сказал, что выбраться зимой из Северо–Енисейска было проблемой. Устроили двухдневную попойку на хате у Мурзы.

Бек особо не изменился. Только внешне немного жирком оброс, да рожа стала порумянее. Рассказывал нам, как его лечили силой молитвы и труда. Вывод сделал такой, что труд реально помог переламываться. А молитва – мозгоебля и пустая трата времени. После попойки мы отдали Беку его долю, которая накопилась за почти полтора года. Посвятили в новые расклады, предложили вкинуться в тему с ЧОП. Тот без базара согласился. Летом наняли в фирму пару ребят, которые после первой чеченской маялись без работы. Нарисовали им лицензии охранников с правом кассации. Купили им стволы, поставили возить выручку из магазинов в банк. Сами тем временем расширили немного клиентскую сеть. Короче, деньги делались. Только теперь ради них приходилось работать по уму. И платить налоги. И ебаться с документами. И вести бухгалтерию. Для последнего мы наняли одну пожилую тётку, Марию Петровну, приходящим бухгалтером. В принципе, это нас не хило так разгрузило. И да, у нас сильно изменился досуг. Если раньше мы синячили, ебали блядей и дули дурь, то сейчас времени оставалось очень мало свободного на это. * * *

К концу осени мы на своей шкуре испытали, каково это, не иметь протекции в органах. В общем, мы с Беком познакомились с парой девчонок лет по двадцать пять. И они нас пригласили на домашнюю вечеринку. Много народа, от студентов до взрослых дам. Дорогая большая квартира в новостройке. Кальяны, текила, ром, пара опиумных трубок и модная музыка из колонок. Тусовку устраивала подруга этих девчонок, которая сама была близка к губернаторской администрации. Отвисли мы заебись. Сами принесли нашей любимой тувинской шмали, ухуярились ромом, обдолбились, всё, как в старые добрые времена. К полуночи я так поплыл, что помню только, как драл на диване раком какую–то малолетку, а рядом двое каких–то пацанов пытались играть в нарды. Дальше темнота и пиздец. Очухался я в отделении. Рядом Бек, ещё с десятка пацанов с той тусовки. Прихожу в себя, спрашиваю за расклад. Короче, под утро хозяйку квартиры какие–то ребята отодрали хором. И ей это, по ходу, было не за радость. Вызвала ментов, те повязали всех, кто не успел нагореть с хаты. И сейчас нас будут водить по одному к дежурному и расспрашивать, кто куда и кого этой ночью имел, по чьему согласию, и так далее. Ёбаный блудняк, короче. Дошла очередь до меня. Мент мне начал лечить, как по учебнику. Типа, тебя твои дружки уже сдали, как участника группового изнасилования. Подписывай признанку. Говорю, нихуя не видел, нихуя не знаю. Я напился и спал. Тут мусор намекнул про опиум, сказал, что есть свидетели, типа я торговал им. А это уже другая статья, другие сроки. Я всё на своей волне. Нихуя не видел, нихуя не знаю. Спал. Зашли двое в штатском. Начали пиздить меня. Сперва оленя пробивали, потом поняли, что голова уже отбита, и это бесполезно. Душили пакетом. Били по суставам. Было хуёво. Я в голове держал одну мысль, отойду от своего отрицалова, лучше не станет. А так им, может быть, надоест быстрее. Короче, час меня помурыжили, наверное. Не так уж сильно, кстати. Закинули обратно к остальным. Вывели другого пацана, студента какого–то. Потом Бека. И так по кругу нас всех по очереди гоняли. Кто–то обратно в обезьянник уже не возвращался. Либо писали признанку, либо их отпускали, видимо. Часы с меня, как Бек сказал, ещё при

задержании сняли. Сколько времени точно мы пробыли в отделении я не знаю. Показалось, что сутки. Потом заявила потерпевшая. На вид моя ровесница. Может быть, постарше чуть. Дорогая такая киса. И рожа наглая, что у завхоза. Сказала сразу всем присутствующим, что, кто нарисует определённую сумму наличности, того она не опознает. Охуенная постанова, короче. Мы с Беком попросились к дежурному на телефон. Вызвонили Мурзу в офисе. Сказали, чтобы привёз бабло. На двоих цифра вышла весьма такая нехилая. Мурза всё привёз без базара. Отдал потерпевшей конверт с деньгами. Через пару часов нас выпустили, даже опознания не проводили. Ещё несколько парней так же сделали. Что с остальными стало, я не знаю. Короче, поехали на хату к Мурзе. Надо было себя в порядок привезти, да и жрать пиздец как хотелось. Отыелись, отпились. Рассказали Мурзе, как всё было. Тот говорит, что мы ещё отделились легко довольно. Деваха по любому была из прокурорских, а значит уже не волнует, мы её ебали или нет. У тех разговор только про деньги. А Бека эта ситуация жёстко накалила. К вечеру разъехались по домам. Потом работали дальше, зареклись от подобных мероприятий. А в пятницу утром Бек пришёл в офис с пакетом и вывалил на стол деньги и немного рыжья. Сказал, что ни одной соске разводить его он не позволит. Вопросов мы задавать не стали. По новостям сказали, что было разбойное нападение на квартиру в том самом доме, где была вечеринка. Грабители представились работниками милиции. Хозяйке разбили голову тяжёлым предметом. Подозреваемыми числилась банда наркоманов, орудовавшая подобным образом по пенсионерам. В начале декабря их нашли, и всем впаяли срока. Бек ходил по городу довольный ещё очень долго. * * *

2001-й год мы встречали на работе. Это была не новогодняя ночь, а крошечный пиздец. Точки, которые под нами работали, на ночь, естественно, не закрывались. А торговать бухлом в уже перепитом городе, где каждый десятый или хакас, или тувинец, – это риск похлеще дикого запада. Короче, как стукнуло на часах десять, и началось. Телефоны до красна раскалены, вызов за вызовом. То грабёж, то дебош, то пьяная драка у магазина, то продавщицу пырнут ножом, то расхуярят кирпичом витрину. После полуночи мы уже подтянули двух пацанов, которым кассацию рисовали. Пацаны без психа согласились, подъехали. Сами уже децл приняли, но работали хорошо. Естественно, хули, мы им тройную таксу за смену выкатили. И вот так мы мотались до полудня следующего дня. От точки к точке. Какого только пиздеца я в ту ночь не насмотрелся. Я уже говорил раньше, что тувинцы пить совершенно не умеют. У хакасов такая же проблема. Этиловый спирт делает их ещё тупее и ещё агрессивнее. За новогоднюю ночь у нас было четыре попытки вынести из магазина кассу, дважды алкаши не хотели платить за бухло, выпивая на месте залпом целую бутылку водки, а потом заблёлывая продавщицу и прилавок. Одну тётку подрезали, к счастью, не на глушняк. Одной пьяный хакас раскроил лицо куском стекла. Тувинцы в продуктовом устроили поножовщину с хакасами, положили троих на месте. Одно радует, товар не успели попортить. Но самый ад был с бичом, который ходил от киоска к киоску и засовывал в окна свой хуй. Его мы отловили только под утро и вломили ему пизды. Первого января стало кристально ясно, что штат пора расширять. А не то мы пизданёмся такими темпами. Озвучили мы проблему Марии Петровне. Та посчитала, что, если мы возьмём ещё шесть точек, можно будет без больших потерь нанять ещё четверых пацанов, купить им форму, дубинки, аттестацию, лицензию на ствол и по ксюхе на рыло. Самое то. У нас тогда нарисовывалось три смены по два человека, плюс один из нас троих по очереди сутки через трое на диспетчерской и разборах. Начали искать кадры. С

бывшими вояками нам работать понравилось, но они брали дороговато, да и найти их было проблемой. Банки расхватывали в охрану таких ребят только в путь. Решили поискать по спортзалам. В Сибиряке нашли на секции бокса двоих ребят по двадцать два года. Призёры, медалисты, разрядники. Один тренером у юниоров работал, другой сторожем на стройке. Договорились с ними без проблем и на хорошие деньги. Ещё одного привёл Мурза. Сказал, что учились вместе в Текстильном. Четвёртый пришёл сам по объявлению. Двадцать лет, только после армейки. Со своими колёсами, с правами. Заебись всё складывалось. Так мы потихоньку и работали. Делали деньги на ЧОПе, имели копеечку с салона красоты, неплохо грелись с автосервиса. Склад только простаивал. Фирму этих евроремонтников вытеснили с рынка конкуренты из БФК. Самое главное, мы при деле были. Перестали так сильно убиваться и хуйнёй страдать, как раньше. * * *

Я даже в том году чуть не женился. Только не срослось. И хорошо, что не срослось. В квартиру напротив моей в апреле въехала женщина с дочкой. Звали её Ольга. Работала учительницей литературы в одной из школ города. Самой тридцать пять, дочке одиннадцать. Уже десять лет, как в разводе. Сама зашла ко мне в гости, представилась, пригласила на новоселье. Что я ценю в женщинах больше всего, так это губы и умение улыбаться. И Ольга умела. При своём возрасте она была до охуения фигуристой. Вот есть такие тёлочки, которые в двадцать выглядят болезненными и жидкими. А есть такие, которые и в тридцать, и в сорок так пышут здоровьем, что их хочется ебать и ебать. Настолько в них много какой-то жизненной силы. Живое лицо, серые глаза, тонкие, прямые черты лица, как у шведки или немки. И охуительная осанка. В наших ебеньях тоска и серость многих скручивала и жала к земле. Женщины, которые умели себя держать, тем более, после тридцати, были большой редкостью. Я уже не говорю про ноги и жопу. Они были просто охуенные. За приглашение, говорю, спасибо. Но заходи лучше ты ко мне вечером. С меня вино и бишбармак. Расскажешь о себе, поближе познакомимся. Та намёк поняла, заулыбалась. Драл я её до самого утра. И было это заебато. Вот так мы и подружились. Она начала чаще заглядывать ко мне на огонёк, в моей квартире начало становиться чище от недели к неделе. В холодильнике помимо бухла начала откуда-то нарисовываться еда. Я сам старался не отставать. Купил ей из мебели несколько вещей, с дочкой иногда возился, с математикой – геометрией помогал немного. Не сказать, что контакт прямо налачился. Светка меня побаивалась, видимо, немного. Но и не шарахалась особо, и истерик не закатывала. Летом катал их в Петербург на пару недель. Гуляли по музеям, по набережным. Обе в восторге остались, да я и сам с удовольствием отдохнул. Общаться с Ольгой было охуенно. Начитанная, умная, голос глубокий, мягкий. Единственное, что реально смущало меня в этой женщине, так это то, насколько она иногда была строга с дочерью. Не знаю, как правильно слова подобрать. Светка, сколько раз я её не видел, или читала, или делала уроки, или возилась по дому. Ни во дворе её не встречал с другими детьми, ни дома у Ольги не видел, чтобы дочка её перед телевизором сидела, или в приставку, например, играла. Пару раз был свидетелем того, как моя новая подруга воспитывала дочь. Без крика, без ругани. Но очень холодно она её отчитывала. Один раз при мне ударила Светку по губам. А так всё, ни жести, ни истерик. Да и, когда мы с Олей оказывались наедине, я забывал обо всех своих напругах по поводу неё. Да вообще обо всём забывал. Со мной она такие вещи вытворяла, которые даже на ум ни одной из знакомых мне проституток не приходили. Ольга была ласковой, покладистой, и при этом до жути

похотливой и чувственной. Как мы только не извращались, что и как я только с ней не делал. У меня, у неё, на природе, просто на улице, в машине, в подъезде, в театре даже один раз. * * *

Но вот была одна вещь, которую мы так и не попробовали. Она однажды сама предложила привести ещё одну девушку. Я был обеими руками за, хули. Вызвонил Тому, одну из девочек, которые работали в Абакане в салоне красоты. Предложил по старой памяти пересечься и как следует трахнуть мою новую подругу. Та с удовольствием согласилась. Томе было двадцать четыре. Длинные чёрные волосы, худая, высокая. Грудь маленькая, зато бёдра красивые и мордашка симпатичная. Уже год, как замужем. Приехала ко мне, познакомил их с Ольгой. Выпили втроём, вроде, девочки понравились друг другу. Дама моя говорит, мол, я с другой женщиной вместе ещё не пробовала ни разу. Стесняюсь, все дела. Тома в ответ, типа, не нервничай, сейчас всё будет.

Приласкала она Ольгу знатно, пальцами, язычком, как положено. Дама моя аж покраснелась вся. Потом они вдвоём за меня взялись. Хуй мне наполировали так, что я улетел прямо. Ольга говорит, типа, я хочу чтобы ты сейчас выебал Тому. Хочу смотреть. Ну, я свою давнюю знакомую положил на кровать и начал драть, как заведённый. Минут через пять уже Томку затрясло, я сам ей в варежку спустил. Откинулся, лежу, балдею. Смотрю на Ольгу, а она отвернулась и плачет. Спрашиваю, что такое? Та только головой замотала и выбежала на кухню. Пошёл за ней следом. Гляжу, она стоит у окна, ревет прямо. Да чё за хуйня, говорю. Колись. Я, говорит, боюсь, что ты меня теперь бросишь. И снова в слёзы. Я в ахуе. Ничего не понимаю. Дал ей коньяка, та отлакалась, успокоилась децл. Начала объяснять. В общем, когда Ольга родила дочь, она адово разжирела. По пизде пошёл гормональный фон. И муж её через год завёл любовницу. Оля приходит домой, а мужик её какую-то малолетку ебёт прямо на полу в зале. Та в истерику, а муж ей говорит, ты, мол, хули хотела? Ты, мало того, что в постели хуже бревна, так ещё и жирная теперь. Иди ты на хуй, короче. И ушёл. Уехал в другой город, подал заочно на развод. И с тех самых пор у Ольги куча комплексов.

Начала худеть, в форму себя приводить. Следила за собой. Пару лет назад к психологу пошла. Та ей посоветовала, чтобы раскрепоститься в постели, смелее идти на эксперименты. Короче, со мной Ольга такие вещи как раз и творила потому, что только – только начала себе волю давать. Решила пойти на опыт втроём, чтобы уже раз и навсегда закрыть для себя тему измены бывшего мужа. А увидела, как я Тому драл, и поняла, что не может. Что такая же закомплексованная осталась. Смотрю, говорит, как она под тобой извивается, и просо снова себя жирной, никому не нужной коровой чувствую. И понимаю, что ты от меня уйдёшь. Отвечаю ей, ну ёбанный стыд, Оля. Было бы из-за чего. Ты и так в постели огонь. И красавица, какую искать и искать. Не можешь видеть, как я ебу кого-то другого? Не увидишь больше, и закроем эту тему. На том и порешили. Томка поняла всё, тоже немного с Ольгой поговорила наедине и поехала домой к мужу. Женщина моя немного успокоилась, рядом с ней находиться стало ещё приятнее. Новый год мы встретили вместе с Ольгой и Светкой. * * *

Предложение я ей хотел ещё в декабре сделать, да навалилось до хуя работы. Хотел сперва сделать дома ремонт и перевезти девочек к себе. Моя квартира была больше и с видом на парк. Ольгу пока и так всё устраивало, тем более. Короче, в феврале переклеил

в зале обои на понтовые красные, под викторианский особняк. Оставил сохнуть, пошёл к Ольге. Как обычно, трахал её до полуночи, уснул, как убитый. Мы так часто делали. Утром она могла уйти на работу, а я просыпался часов в десять и тоже по своим делам. Светка тогда в первую смену училась, так что, никаких проблем. Утро, зимнее солнце в глаза, дремлю, довольный как кот. Стояк спросонья адовый. И тут понимаю, что проснулся—то я от чавканья. Открываю тихонько один глаз и вижу, как Светка старательно наяривает мне хуй. Зажмурилась, сама аж бордовая, трясёт всю, то ли от страха, то ли от стыда. Я в полном охуевозе. Чё делать? Говорю, лапа моя, притормози, пожалуйста. Та аж сжалась вся. Зажмурилась ещё сильнее, будто её сейчас бить будут. Аккуратно достаю хуй у неё из рта, сажусь, говорю, ты не бойся, я понимаю всё. Только давай больше не будем так делать. Светка в ответ, типа, извините, пожалуйста. Я ещё не умею правильно. Блядь, тут уже я красный стал, как рак. Отвечаю, ты не поняла, Света, не в этом дело. Как тебе объяснить—то. Это надо с мужем делать, или с любимым человеком. И потом как—нибудь. Когда вырастешь. Рано ты начинаешь. К тому же, я с твоей мамой встречаюсь. Некрасиво же получится. Светка в ответ, такая, только маме не говорите, пожалуйста. Заплакала и убежала в ванную. Я оделся, сижу, думаю, как быть дальше. Светке по ходу конкретно рвануло башню. Решил, раз Ольга педагог, вместе мы с ней что—нибудь придумаем и разрулим ситуацию правильно. Дождался, когда она придёт с работы. Завёл к себе домой. Рассказываю о ситуации, как есть. Говорю, чего будем делать? У девчонки, видимо, возраст такой. Надо как—то деликатно до неё донести культуру полового поведения, чтобы и контролировала себя, и на психику не было давило. Как же я, блядь, ошибся. Ольга молча вышла из моей квартиры, позвонила в свою дверь, и, как только Светка открыла, мать с порога начала её ебашить наотмашь по лицу. У той кровь из носа. Схватила дочь за волосы, поволокла в зал. Кинула на пол, взяла провод от утюга и начала бить уже по заднице. И даже не орала при этом. Шипела. Типа, из—за тебя, сука мелкая, я первого мужика потеряла, теперь ты и второго хочешь у меня отнять? Вырастила потаскуху на свою голову. Я, блядь, метнулся за ней, отобрал провод. Оттащил Ольгу на кухню. Та в истерике уже бьётся. Я говорю, ты чего делаешь, ёб твою за ногу?! Ты же нос ей на бок свернула! Она же ребёнок ещё. Та в ответ, типа, как хуй в свой поганный рот засовывать, так она, блядина такая, уже взрослая! А ты чего защищаешь её? Небось тоже оттрахть хочешь, как Томочку свою? Она же моложе, красивее. А у самой уже пена на губах. Тащу Ольгу к раковине, засовываю её голову под струю. Та бьётся, орёт. Говорю, пока не успокоишься, не отпущу. Затихла, вроде. Повёл её к себе, достал водку. Дал ей выпить стакан. Ещё немного поплакала и, вроде, пришла в себя. Говорю, ты понимаешь, блядь, что ты натворила? У девчонки и так голову от гормонов в клочья рвёт, так теперь ты ещё и психику ей искалечила. Ольга отвечает, типа, да, я дур ёбная. И в слёзы опять. Так ещё полчаса проплакала. Короче, уже ночью договорились, что она пойдёт домой и Светку больше трогать не будет. Я завтра уйду на дежурство, потом по работе в Минусинск скатаюсь. А в субботу соберёмся втроём и спокойно всё перетрём. В субботу возвращаюсь под утро домой. Стучусь к Ольге. Та мне открывает, довольная, счастливая. Цветёт просто. Спрашиваю, а где дочь? Отвечает, а я, мол, её позавчера в Зеленогорск отвезла. В церковный интернат. Там из неё эту дурь и похоть выхолостят. А закончит, поступит на бесплатное в Новосиб. Эта школа при церкви, типа, хорошая. У её выпускников льготы. Я сморю на Ольгу и думаю, ебучий стыд, сколько у бабы говна в голове. И какой он матерью моим детям станет при таком раскладе? Короче, говорю, ничего у нас не выйдет, Оля. Ты женщина хорошая, шикарная просто. И мужика себе найдёшь отличного. И родишь ему ещё. Только это буду не я. Я не выведу дальше тащить твои заёбы. И ушёл. * * *

В 2005—м Воротника убили армяне из Красноярска. Он угнал дорогую машину одного из людей диаспоры. Парня нашли и забили до смерти. Ответу мы давать не стали. Уговор с братьями был конкретный. Через автосервис никакой темнухи. Ирку в 2006—м изнасиловали трое старшеклассников. Мы нашли их. Накачали винтом, поставили под дуло. Заставили ебстись между собой. Потом отпиздили и выкинули на шоссе. Иринка с родителями уехала к родственникам в Москву. Салон красоты мы продали. В 2007—м мы наебнули на шоссе партию китайского героина. Мурза и Тура поехали продавать их в Канск. Мурзу чрез два дня нашли у Дивногорска. Полбашки было снесено к хуям. Труп забрали его родители и увезли хоронить в Москву. Кобу я забрал к себе. Через месяц под Канском нашли подгнившего Туру с пробитым черепом. Убили его, по ходу, через день после Мурзы. Оказалось, что обоих ребят замочил Бек, и героин загнал красноярским цыганам с Покровки. Сам он ставиться, естественно, не перестал. Бека я захуярил молотком у него дома. Собрал наши бабки, ружьё из гаража Бека. Погнал в Красноярск. Кобу пристрелил по дороге. Склад и гараж переписал на отца. Сам сел на поезд до Нижнего. Забрал мать, умотал в Европу. Там купил три квартиры маленьких. Сдавал две, жил с матерью. Этой весной ездил снова в Россию. Продал квартиру в Нижнем, в Черногорске, забрал с бати часть денег с продажи бизнесов. Месяц назад купил матери небольшой дом в пригороде. Вот и всё.

